

28 апреля 1991 г.

ВОСКРЕСЕНЬЕ

ЧЕРНОБЫЛЬ: ДЕТИ НАШЕГО БУДУЩЕГО?

Этот мальчик из минского Дома ребенка № 1 на год младше чернобыльской трагедии, чье пятилетие — 26 апреля.

Фото Тимура ГРИБА.

ПОЛИТИКА, ЭКОНОМИКА, «ЧЕРНЫЙ» РЫНОК В МАЕ

прогноз «МН»

Стр. 7.

ОПЫТ ИССЛЕДОВАНИЯ ПОБЕДОНОСНОГО НАСТУПЛЕНИЯ СРЕДСТВ ПРОТИВ ЦЕЛЕЙ

статья Лена Карпинского

Стр. 11.

ВЫСТРЕЛ ИЗ ЗОНТИКА —

советский след дела Маркова

Стр. 15.

Специально для «МН»

ЗАГАДОЧНАЯ ПРОГРАММА

По сообщениям ТАСС, в результате обсуждения правительственной антикризисной программы на серии совещаний у премьера Валентина Павлова «основные положения проекта программы в целом поддержаны» и им дана «в целом положительная оценка». У многих это вызвало удивление, поскольку во встречах участвовали экономисты, не раз критически отзывавшиеся о деятельности правительства. В этой связи «МН» обратились к Егору ГАЙДАРУ, Николаю ПЕТРАКОВУ, Владимиру ТИХОНОВУ, Николаю ШМЕЛЕВУ, Григорию ЯВЛИНСКОМУ с просьбой прокомментировать состоявшиеся встречи. Вот их мнение.

И на совещании главы кабинета с экономистами, и на его встрече с руководителями промышленных и предпринимательских союзов программа кабинета подверглась решительной критике. Никто не давал ей «в целом положительную оценку», не «одобрял ее основных положений». Более того, о какой-либо программе здесь говорить трудно, уместно говорить лишь о перечне неких деклараций.

Другое дело, что представленные материалы можно рассматривать как отражение прорыночных намерений правительства. А иные из провозглашаемых мер интерпретировать как желание поддерживать, например, развитие предпринимательства.

К сожалению, сегодняшний рейтинг правительства таков, что его программа — даже вне зависимости от своего качества — не может вызвать доверия. Кроме того, она полностью лишена конкретики, неясен и механизм ее реализации, а также то, как будет достигнуто согласие республик. В частности, она не дает ответов на вопрос, как именно будет восстановлена дееспособность рубля, каким образом наступит оздоровление финансов, как будет урегулирована проблема бюджета, без чего все остальные шаги оказываются бессмысленными. Короче говоря, она не учитывает ту драматическую ситуацию, в которой находится сейчас экономика.

В этой связи возникает вопрос: зачем вообще нужна была эта программа? Как политический документ она бесполезна, ибо общество ее не воспримет из-за «авторства», как экономический — она неконкретна. Видимо, дело просто в том, что правительство решило ответить на обвинения в отсутствии у него программы действий, а также заверить в своем «рыночном» курсе международные финансовые круги, обеспокоенные известными заявлениями главы кабинета.

ЭСТОНИЯ

ЧЛЕНА ПОЛИТБЮРО ИЗ ПАРТИИ ИСКЛЮЧИТЬ

Именно такое решение в отношении первого секретаря ЦК компартии Эстонии Энн-Арно Силлари приняла на днях таллиннская городская конференция КПЭ—КПСС. За то, чтобы исключить члена политбюро ЦК КПСС, проголосовали 130 делегатов, против — 24, воздержались 19.

Как видно, большинство делегатов конференции партии, вышедшей и в Эстонии из оков, ничуть не смутило, что они фактически проголосовали против решений январского (1991 г.) пленума ЦК КПСС и ЦКК, выводов комиссии ЦК КПСС во главе с Юрием Манаскеном, работавшей в начале года в Эстонии. Наконец, самое важное — Энн-Арно Силлари возглавляет другую партию, которая объединяет тысячи коммунистов, в большинстве своем эстонцев. На конференции был поднят вопрос о том, чтобы очистить КПСС и от Генерального секретаря ее ЦК Михаила Горбачева. Но при голосовании предложение не прошло. Пока не время, объяснили делегаты журналистам.

Нет, не поиск выхода из глубокого кризиса, в котором находится Эстония, вся страна, не объединение левых сил ставит во главу угла КПЭ—КПСС этим решением. Ведь за ним может последовать новый всплеск конфронтации между коренным и русскоязычным населением. Ну а как отнестись к исключению из рядов КПСС сам Силлари?

— Мне воспитание не позволяет, а напряженная работа не оставляет времени на то, чтобы как-то реагировать на подобные демарши, — сказал он корреспонденту «МН». — Видимо, у наших бывших товарищей нет сейчас более важной задачи, нежели очищение своих рядов по печальному образцу ВКП(б) тридцатых годов. К чему это привело, хорошо известно.

ГРУЗИЯ

РАДИОГОЛОС ИЗ ПОДПОЛЬЯ

Дважды в неделю, по воскресеньям и пятницам, в тбилиском эфире раздаются позывные подпольной радиостанции «Эри» («Нация»). Ее организаторы — непримиримая оппозиция во главе с национально-демократической партией Грузии.

По словам ведущей радиостанции Ирины Сарнишвили,

диктат над средствами массовой информации со стороны правящей элиты принуждает всех инакомыслящих уйти во внутреннюю или внешнюю эмиграцию. Главная задача «Эри» — передавать в эфир правдивую информацию о нарушениях властями гражданских прав личности. Уже удалось рассказать радиослушателям о сегодняшних политзаключенных, зачитать списки людей, бесследно исчезнувших после ареста. Обнародовано обращение профессора Вахтанга Кохоадзе к президенту Бушу о незаконном аресте лидера патриотического военизированного формирования «Мхедриони» профессора Джабы Иоселиани.

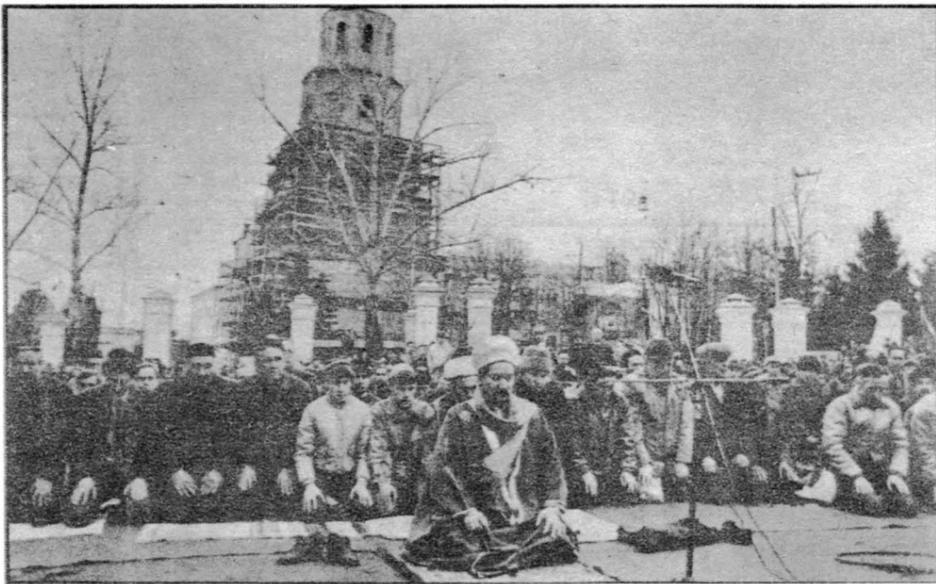
Организовать работу нелегальной радиостанции грузинской оппозиции помогли поляки из борющейся «Солидарности». Они передали безвозмездно необходимую американскую аппаратуру, которой «Солидарность» пользовалась в подполье в начале 80-х годов. Передача ведется на ультракоротких волнах в течение 15 минут. Именно из-за такого ограничения во времени записывать радиостанцию очень трудно. Кстати, этот метод тоже заимствован у «Солидарности».

МОСКВА

ЧТО УВИДИМ В «ЗЕРКАЛЕ»

Вышел первый номер независимой киногазеты «Зеркало», учрежденной Союзом кинематографистов СССР.

Политика и философия, культура и наука, экономика и социальные проблемы — нет ни единой области человечес-

Казань. Богослужение ведет глава духовного управления мусульман европейской части СССР и Сибири Талгат-хазрат Таджуповин. 16 апреля 80 миллионов советских мусульман праздновали завершение месьца рамазан — месяца поста, в конце которого, как учит ислам, пророку Мухамеду явился архангел Джабраил и продиктовал первые суры Корана. «Этот пост очищает не столько наши тела, сколько наши души, — говорили в этот день мусульманские священники на проповедях. — Теперь мы должны быть милостивыми и милосердными... Мы молимся за все человечество, всех детей Всевышнего, чтобы воцарился мир на земле».

Фото Анатолия АНДРОНОВА.

кой практики, которая была бы «Зеркалу» безразлична. Своеобразие же газеты, разумеется, составляет ее причастность к кинематографу. Правда, если в первом номере своеобразный вкладыш «Журнал в газете» посвящен именно кино, то во втором его содержание составят рассказ о команде Бориса Ельцина «Вся президентская рать».

ПОМОЖЕМ ШАХТЕРАМ, БИЗНЕСМЕНАМ!

10 миллионов рублей выделяет в помощь бастующим шахтерам Союз объединенных кооперативов СССР. Деньги перечисляются на счет независимого профсоюза горняков СССР.

Президент союза Владимир Тихонов и генеральный директор В/О «Внешэкономкооперация» Иван Кивелиди обратились к предпринимателям страны с предложением помочь тем, кто бросил вызов тому уродливому, что накопилось в стране развитого социализма. Беспрецедентная по длительности и целенаправленности, бескомпромиссности и массовости стачечная борьба шахтеров, считают они, — мощнейшее средство противостояния политике правительства, ведущей к социальному краху. Поражение шахтеров, семьям которых грозит физический голод, неизбежно нанесет жестокий удар по демократическим движениям вообще, создаст для реакционных политических групп благоприятные возможности удушения экономических реформ, поставит под угрозу

нарастающее свободное предпринимательство.

Общая потребность для минимального обеспечения шахтерских семей составляет более 100 миллионов рублей. Расчетный счет, на который можно перечислить деньги для бастующих горняков: 446403 ОПЕРУ при правлении Агропромбанка, МФО 299178.

ЧИТАЙТЕ «МН» НА КОМПЬЮТЕРЕ

В ближайшие недели «Московские новости» станут первой советской газетой, которая будет попадать к читателю не только из типографии, но и по специальному каналу — в режиме «он лайн». Это значит, что с содержанием «МН» можно будет познакомиться уже на следующий день после их выхода, включив свой компьютер в СССР или за рубежом.

Позабудется об этом компания «Совинфолинк» — одна из фирм совместного советско-американского предприятия «Диалог», с которой «Московские новости» подписали соглашение. Возможности у «Совинфолинк» богатые: к примеру, их американский партнер — фирма «Мид Дейта Сентрал» имеет клиентов более чем в 50 странах мира. Первую неделю после выхода очередного номера «МН» его материалы можно будет читать с помощью компьютера, а затем они занесутся в базу данных, и нужный текст можно будет вызвать на экран компьютера по дате публикации, рубрике, ключевому слову.

Фирма «Совинфолинк», презентация которой состоялась недавно в Московском бизнес-клубе, готовит и передает по своим каналам ежедневный дайджест советской прессы. Получают клиенты фирмы и информацию о советских организациях, в том числе неформальных, и базу экономических данных.

В полосе использованы информации Гранта ГУКАСОВА, Людмилы ЕНЮТИНОЙ, Людмилы ЛЕОНТЬЕВОЙ, Акакия МИКАДЗЕ.

Подготовил полосу Александр МОСТОВЩИКОВ.

Участники демонстрации курдов у иракского посольства, требующие защитить свой народ от геноцида Саддама Хусейна, не ограничившись скандированием лозунгов. В сторону окон посольства летели камни. А оттуда на них взирал портрет иракского президента. На снимке: ОМОНу приходилось сдерживать манифестантов. Фото Андрея АБРАШИТОВА.

МИНИ-РЕПОРТАЖ

МНОГО КОЛБАСЫ — ЭТО ТОЖЕ ПЛОХО

...Туши свиные, туши говяжьи, мясо с костями, мясо без единой жилки, мясной фарш, колбаса вареная, колбаса копченая... Это не Америка и не Голландия. Гастрономическому изобилию я порадовалась на Черкизовском мясоперерабатывающем заводе. Предприятие это не флагман московской мясной промышленности, хотя и входит в десятку крупнейших. Ежесуточно завод производит от 180 до 190 тонн колбасных изделий двадцати наименований и от 45 до 55 тонн мясных полуфабрикатов. Производил. До 3—4 апреля. Сейчас на заводе остановлена половина производственных мощностей. На Московском мясоперерабатывающем комбинате — 30 процентов. Схожая ситуация и на остальных предприятиях.

ЦЕНОВОЙ ШОК докатился не только до покупателя и продавца, но и до изготовителя: торговля, отвыкшая от дефицитной снеди, оказалась неподготовленной к хранению колбасы и мясных полуфабрикатов. И если раньше продукция, транзитом поступающая с завода на

прилавок, раскупалась мгновенно, то сейчас приходится думать о холодильных установках, а если их нет или мало — отказать от товара. По общему мнению специалистов, пройдет еще две недели, пока количество покупаемой колбасы войдет в прежнее русло. А пока холодильные камеры многих мясокомбинатов до отказа забиты сырьем.

Меньше проблем после 2 апреля возникло у Московского завода сырокопченых колбас, торговля берет их охотнее: срок хранения все-таки не 48 часов, как у вареной. И вместо полуженных 22 тонны в сутки здесь уже производится 26.

По мнению генерального директора объединения Мосмясопром Юрия Тулупова, в изменившейся ситуации лучше всех будут себя чувствовать восемь малых заводов, построенных недавно в Москве. Хотя и у них возникают проблемы: из-за путаницы с поставками многим магазинам приходится принимать колбасу из Белоруссии и Рязани, в то время как московская почему-то идет в Рязань.

На Черкизовском заводе нашли небольшую отдушину: начались поставки в

Московскую область. Но остается открытым вопрос о занятости самих работников. Штат Черкизовского завода составляет, к примеру, тысячу человек, а на одном из крупнейших в городе Московском мясокомбинате и того больше. Администрация вынуждена пока давать очередные отпуска или предоставлять их за свой счет. Но, как заверил одноклассник корреспондента «МН» директор Черкизовского завода Игорь Бабаев, никого не уволили и увольнять не собираются: при всех экономических и политических потрясениях производство здесь реконструируют и расширяют. Руководители отрасли наконец решили: пора позаботиться об ассортименте, а не гнать сутками «Любительскую», причем того же качества, что и при старой цене. Поэтому к концу года завод планирует пустить линию по производству мини-салами и сырокопченой колбасы по типу итальянской «Мортаделлы». Так что, возможно, девяносто второй год мы будем встречать не хуже итальянцев. Если ничего не случится.

Светлана БАБАЕВА.

Не замечать, не называть, не обсуждать!

Еще один окрик со страниц «Правды»

На этот раз «МН» решил отчитать члена одного из комитетов Верховного Совета Узбекской ССР Шахобитдин ЗИЯМОВ. Поводом послужила опубликованная в «МН» № 11 карта национально-территориальных конфликтов в СССР, где из 76 «точек» четверть приходится на Среднюю Азию и Казахстан.

Интервью в «Правде» (18.IV) выдержано в манере «выхода из окопа», как бы являясь образцом воплощения тех наставлений, которые дает идеологический отдел ЦК компартии Узбекистана в своей разработке от 2 октября 1990 г.: «не допускать заигрывания с оппонентами, «первыми подвергать их позе обоснованной и объективной критике». Впрочем, старание тов. Зиямова следовать этим установкам понятно: сколько именно он з...

...дал идеологическим отделом республиканского ЦК, когда там разрабатывался протигированный документ. Зиямов обвиняет «МН» в стремлении дестабилизировать обстановку в регионе. Главный аргумент: обозначенные на карте Средней Азии конфликты заявлены либо в прессе, либо в программах общественных движений и ни одного — на уровне республиканских правительств.

Действительно, в отличие от других конфликтных регионов — Кавказа и западной части СССР — в Средней Азии ни один из территориальных конфликтов официально не заявлен. Значит ли это, что их нет? Хотелось бы обратить внимание правдивых и Ш. Зиямова на значение слова «конфликт»: оно вовсе не означает непременно кровопролитие. И если группа людей заявляет о необходимости пересмотреть принадлежность какой-то территории к той или иной советской республике, то это уже национально-территориальный конфликт. Другое дело — степень его развития. Но именно для того, чтобы он не вылился в кровопролитие, его необходимо обсуждать, а не таить.

Александр МИНЕЕВ.

ВЛАДИКАВКАЗ

ЭХО СТАЛИНСКИХ ДЕПОРТАЦИЙ

19 апреля во Владикавказ прибыло подразделение спецназа МВД. Это было вызвано столкновениями между осетинами и ингушами в Пригородном районе. Причина конфликта — попытка ингушской семьи вернуться в Пригородный район. Принадлежавший ей до депортации ингуш в 1944 г. Итог столкновения: 20 раненых, убитый милиционер и чрезвычайное положение во Владикавказе.

«МОСКОВСКИЕ НОВОСТИ»
УЧРЕДИТЕЛЬ — ОБЩЕСТВО «МН» — НАРОДНАЯ ГАЗЕТА.
ВЫХОДИТ С 1930 ГОДА.
ИЗДАЕТСЯ НА РУССКОМ, ЭСТОНСКОМ, АНГЛИЙСКОМ, ГРЕЧЕСКОМ, ИСПАНСКОМ, НЕМЕЦКОМ, ФРАНЦУЗСКОМ ЯЗЫКАХ.
Главный редактор Егор ЯКОВЛЕВ.

В МИРЕ

Ельцин во Франции: просчеты с двух сторон

Достаточно неожиданная поездка Бориса Ельцина в Страсбург, где заседают Европарламент и Совет Европы, а затем в Париж — для встречи с французскими лидерами — не могла не заставить Запад, и в первую очередь Францию, искать ответы на вопрос: как вести диалог с противостоящими советскому президенту политическими фигурами?

Наверняка, конечно, эта проблема выбора уже длительное время в сфере особого внимания крупных посольств в Москве и соответственно получающего от них информацию политического руководства в западных столицах. Однако на этот раз обстоятельства технического плана, тонкости протокола — например, кому и как принимать в официальном порядке главу российского парламента, приехавшего все же по приглашению общественных организаций, — вынудили столкнуться буквально лоб в лоб со всей дилеммой, и уже в атмосфере, напоминающей чем-то шахматный цейтнот, совершать действия, некоторые из которых, как уже считается в Париже, могут дорого обойтись Франции в будущем.

Первый визит за рубеж Бориса Ельцина (после его избрания на официальный пост) был обременен, к сожалению, немалым количеством неудачных деталей, которые раскрывают не только просчеты в поведении обеих сторон — как гостей, так и хозяев, но и дают представление об образе их политического мышления и заблуждениях.

Одними из первых, например, обиделись журналисты, что всегда опасно. В конце концов не так важно, почему так получилось, кто виноват, но, судя по разговорам с теми из них, кто прорывался к Ельцину, сложилось впечатление, что относятся к ним, мягко говоря, пренебрежительно. Это невнимание российской делегации вместе с очевидной недооценкой всей важности протокола при планировании больших и малых

встреч, особенно во Франции (тем более, когда речь идет о желании встретиться с президентом республики), создавало несколько ажиотажную обстановку вокруг поездки и в результате только било бумерангом. Например, я не вижу другого объяснения тому, что ведущий выпуска теленоостей пятого канала, видимо, поверив в то, что от Бориса Ельцина непременно можно добиться какой-нибудь скверной сенсации, сделавшей ему, ведущему, славу, счел проявление элементарного уважения к своему собеседнику просто излишним. Никогда бы он так не повел себя с местным политиком. Не менее грубо вел себя и лидер группы французских социалистов в Европарламенте Жан-Пьер Кот, открывший встречу депутатов с Председателем Верховного Совета России в неприспособленном ультимативном ключе, так что возмутились буквально все. С другой стороны, ни за что ни про что разозлили популярного во Франции мэра Гренобля, который в последнюю минуту, когда уже была приглашена масса гостей, узнал, что Ельцин не сможет вылететь из Парижа.

Но если отвлечься от этой во многом искусственно созданной скандальности вокруг визита, то можно говорить по крайней мере о двух политических тенденциях.

Многие французы, похоже, воспринимают противоборство Ельцина и Горбачева как столкновение не двух политических подходов, а спор людей, деющих власть. Даже при понимании уязвимости нынешнего положения Президента СССР для них остается загадкой экономическая программа российского лидера и очень непонятна его позиция по отношению к Союзу. Добавьте к этому царящую на Западе путаницу в представлениях о том, кто правый, а кто левый в СССР, традиционно недоверчивое отношение к тому, что видится как многообещающий и опасный популизм, и соответственно уважение перед тем, кто выглядит сторонником компромиссов, неизбежных

Дмитрий ЯКУШКИН, спецкор «МН» в Париже

при серьезности намерений. Факт остается фактом: образ Ельцина в глазах французской общественности, кстати, привыкшей к наличию сильных оппозиционных фигур, проигрывает сложившемуся представлению о Горбачеве, тем более что именно Горбачев положил конец многим явлениям, вызвавшим ужас, — от идеологической тирании до «холодной войны».

Что касается высшего французского руководства, то, так же трезво оценивая обстановку внутри СССР и истинную популярность того или иного политического деятеля, оно пока что не желает давать малейшего повода для обвинения в том, что делает ставку в ущерб кому-либо. При всей очевидности нынешнего кризиса СССР Михаил Горбачев пока что олицетворяет стабильность. Случись его уход и, по мнению французов, откроются ворота в неизвестность, которая страшит хотя бы уже тем, что без надзора может остаться ядерное оружие. Здесь есть и отличия от аналогичной польской ситуации десятилетней давности, когда в Париже, скажем, имели представление о характере людей, составляющих оппозицию Ярузельскому, и потому знали, кто идет на смену ему. Все эти факторы нельзя недооценивать, если заниматься серьезно политическим анализом, при котором непродуктивны ни импровизация, ни игнорирование нюансов и сложившихся представлений.

В СТРАНЕ

Уголь и капли крови не стоит

Я не политик, я историк. И вот о чем напоминает нам русская история. Русское фабричное законодательство в последнее десятилетие XIX века было самым либеральным в мире. Правительство взяло рабочих под свою защиту и наложило на хозяев обязанности более жесткие, чем существовали на Западе. Однако по закону от 2 июня 1897 года забастовки и участие в них стали наказываться тюремным заключением до 4 месяцев, а подстрекательство к ним — даже до 8 месяцев. И хотя сразу же после этого были изданы указы о новом ограничении рабочего дня, закон, который впервые в мире ограничивал работу взрослых мужчин, потерял свое значение. Забастовки из экономических волею правительства, принявшего провоцирующие запреты, стали политическими. Правительство взяло на себя всю ответственность. Начались кровавые столкновения рабочих с полицией, а потом и с войсками.

Человеку свойственно стремиться на простор. Особенно когда его удерживают силой. Думаю, что и сам Президент СССР не забыл, как это бывает, с детства: если в школе что-то запрещают, ученики находят все способы этот запрет нарушить. И если мы переживаем трудное и опасное время, то что должна заботиться прежде всего об одном: надо снять эти запреты. Пусть народное возмущение свободно изливается в мирных формах. Тогда оно не только не опасно, но и конструктивно. Самая бурная демонстрация без вмешательства силы обойдется без кровопролития. Должен быть только один запрет — на использование силы с обеих сторон.

И мне глубоко жаль, что человек, так много сделавший для нашей страны и всего мира, так неумело себя ведет сейчас. Ну как можно запрещать забастовки и митинги? Запрет — это картонная загородка. Даже если она из бронетранспортеров — народ ее сметет.

«Детские» ошибки власти в истории становятся ошибками

роковыми. Правительство уже «отважилось» на запрещение московской манифестации 28 марта, и для меня это грозный симптом. Рассыпанный по поверхности порох горит, но не взрывается. Но сегодня правительство само забывает его в дула пушек. И никто не знает, какие силы поднесут фитиль.

Я не думаю, чтобы Горбачев боялся народа. Скорее он боится своего окружения, боится тоталитарных сил, которым он сам и объявил войну в начале перестройки... Это же как в семье: если авторитет главы ничтожен, он начинает грозить и запрещать, и все разваливается еще быстрее. Сильный человек даже не повышает голоса.

Мы почему-то не готовы понять, что любое преступление прежде всего заунывная глупость. Переворот в Вильнюсе не удался благодаря народному уму и дисциплинированности литовцев, благодаря их культуре. А вот на востоке удалось бы, там южный темперамент дал бы вспышку... Кстати, у нас, русских, темперамент для власти просто ужасный. Он тоже восточный, только это не сразу проявляется. Наш — это гремящая смесь терпения и бунта. Это еще Пушкин подметил. Пугачев и Степан Разин выступили без всяких надежд на захват власти. И правителям стоит помнить о стихии русского характера.

Правительство сегодня само провоцирует народное возмущение. Реформами пробудив национальное самосознание, оно оказалось не готовым творчески употребить эту энергию. И страна стала неуправляемой, почти неуправляемой. Слава Богу, что есть российский парламент. И Ельцин не противник Горбачева, а исторический его союзник, как бы ни складывались личные их отношения.

Именно сейчас Горбачев должен призвать КПСС к покаянию и осудить все прежние преступления режима, начавшего с военного переворота и разгона Учредительного собрания в январе 1918 года. Надо осудить террор против своего народа.

Дмитрий ЛИХАЧЕВ, народный депутат СССР, академик

Только тогда у коммунистов появится исторический шанс на выживание, а иначе эта партия обречена.

Повторю: я не политик, я ученый и старый уже человек. Но, по-моему, президент окружил себя людьми, которые весьма дурно знают свой народ, а значит, и в политике понимают, может быть, немногим более моего. Эти люди движимы страхом, потому что не прошли через покаяние. На них давят и их собственные ошибки, и преступления их предшественников. А страх — худший из советчиков.

Я хочу сказать, сказать громко, как только могу: ни уголь, ни хлеб, ни земля не стоят даже капли человеческой крови! Кровью не приобрести благополучия. Пусть помнят об этом все соперничающие стороны, все народы нашей страны, отстаивающие свои границы или свои права. И не переоценивайте ум и расчетливость злых сил. Ибо трагедия происходит из неумения, из отсутствия опыта общественной жизни, от глупости... Разрешите мне, старику, так выразиться. А привычка искать во всем расчет, как привычка поиска вредителей, сидит у нас в крови еще с 20-х годов. Я хочу сказать и президенту: не ищите врагов даже среди ваших противников. И это не мое прекрасное доведение, это опыт человечества: пока не дошло до драки, всегда можно договориться с оппонентом, как бы он ни был тебе малосимпатичен.

ВО МНЕ

Сколько можно делать умное лицо?

Интересно, как долго человек учится понимать родной язык... Специалисты, вероятно, скажут, что первые года два три, или что-нибудь в этом роде. И потом можешь смело писать в анкете: «владею в совершенстве».

Но все дело, думаю, в том, какой язык. Например, советский диалект русского мы все учим всю жизнь. И в последнее время я начинаю понимать, что это как раз тот случай: век учись и дураком помрешь. Более того — чем ближе это последнее в жизни событие, тем большим дурнем себя чувствую. Потому что оказывается, родной, великий и могучий так и не выучил до полного и точного понимания.

Всю предшествующую жизнь мы учились слышать настоящий смысл сквозь посторонний шум. К примеру, на моей памяти совершенно новыми идиомами начинали обозначать старые понятия, но мы довольно быстро улавливали истинное значение. Сообщали о культе личности, а уж лингвистически изощренный советский народ разумел, что речь идет о сталинском идолопоклонничестве и Большом Терроре. И кратко обозначал древним словом «культ» все: и памятники сапогам, и аплодисменты, переходящие в истерику, и ночные стуки в дверь... Тут же возникал и народный «культпросвет» для обозначения оттепели и краткого промежутка между очередными поворотами в закручивании гаек...

Так и шло. В семидесятые наш официальный эзопов язык — единственный государственный по всей территории СССР — достиг небывалого расцвета. Мы, например, как сейчас помню, боролись с вещизмом и проявлениями мещанства, что означало: дачу и «мерседес» — в каждую семью... каждого члена Политбюро. Клеймили отщепенцев, что следовало понимать: ум, честь и совесть эпохи никакой конкуренции не потерпит... Оказывали интернациональную помощь, то есть генералы находили повод размяться... И ко всему этому иноязычно добавлялось специфическое произношение, но и тут нас не заста-

вали врасплох: мы понимали, что в речи сказано не о плохих сосисках, а о социалистических странах.

И вдруг нам сказали: «Можете быть свободны».

Так обычно говорит начальник, отпуская подчиненного после нагоняя. Но мы поняли буквально и стали свободными. Наступила гласность. Мы были подумали, что слова теперь будут означать именно то, что написано в толковом словаре, тем более что слова-то пошли из нашего лексикона, в котором убийцы назывались убийцами, а не верными борцами, нищета — нищетой, а не растущим благосостоянием, рабство — рабством, а не социалистической демократией.

Ну, и накололись, конечно. Потому что все осталось, как было, только учиться понимать надо заново.

Кто такие экстремисты, разобрались довольно быстро: как и следовало ожидать, это все, кто не любит коммунистов с достаточной нежностью. Граница с экстремизмом достаточно подвижна: по б-й статье, по частной собственности, по сохранению Союза — но в каждый данный момент священна и на замке. Поняв, кто такие экстремисты, мы уже совсем легко поняли, какие силы деструктивные и к кому прилагается обязательное «так называемое». А дальше пошло: «взвешенный подход», «регулируемый рынок», «плюрализм мнений», «мы знаем, откуда это исходит»... Некоторое время мы все же путались — ведь за тот же плюрализм раньше запросто семидесятую или сто девяносто «прим» можно было сложить. Но постепенно привыкли.

Труднее оказалось в сферах не прямо политических.

Вот открываешь какое-нибудь издание, объявившее себя истинно русским, и читаешь: «Людей надо судить по понятиям того времени, в котором они жили». Вроде бы правильно... Читаешь дальше — оказывается, это за очередного павлика морозова вступились. И за класс стучаества в целом. Тут уже призадумайтесь: как тогда с Иудой быть? Если по понятиям того времени — совершил товарищ Искарот патриотический поступок, помог компетентным органам обезвредить идеологического врага,

Александр КАБАКОВ, обозреватель «МН»

искренне веря в необходимость такого поступка.

Открываешь другую трибуну: «Нельзя лишать народ историю, нельзя ее переписывать». Мысль почти бесспорная. Вчитываешься в ее развитие. Так это же про музеи и памятники! Что ж... действительно, может, не стоило и немцам в свою историю лезть, лишать свой народ гордости?... И оставили бы они все памятники великому фюреру на месте. Впрочем, их, кажется, и не было — не то что у нас.

Снова, снова слышится не то, что подразумевается, понимается не то, что говорится. «Социалистический выбор» — вместо «власть аппарата», «коммунистическая перспектива» — вместо «та же власть навечно», «союзный договор» — вместо «все та же власть в границах 1940 года или, если удастся, и дальше». И говорят, и повторяют, а мы все понимаем, пользуясь привычной методикой слушания между слов и чтения между строк.

Прервать этот процесс можно с любой из двух сторон. Но как уже понятно, они его прерывать не собираются. Народ сделал свой выбор в октябре 1917-го, говорят нам. И мы понимаем, что надеяться не на что, захваченное не отдадут. Но все еще играем по их правилам и не отказываемся от беседы на их зазеркальном языке.

Хотя ужасно надоело делать умное лицо, смахивая с ушей лапшу, да и не получается уже. Хочется сказать наконец, как говорят в таких случаях сантехники: не в прокладке дело, система стгнила.

СТОЛИЦА: Битва за Москву

Наталья ДАВЫДОВА

На днях в газетах опубликован проект Закона СССР о статусе столицы СССР и РСФСР. По мнению председателя Московского Совета Гавриила Попова, его появление — благо: «Гораздо удобнее руководить Москвой с помощью указов, чем на основе закона». Разработку закона, считает он, подстегнули результаты опроса москвичей, однозначно высказавшихся за прямые выборы мэра Москвы жителями города, и опасения союзных структур, что Россия примет подобный закон первой.

Опубликованный документ для Москвы ценен прежде всего регламентацией вопросов, связанных с взаимоотношениями столицы и союзных органов, ее обязательств перед ними, а также четких гарантий с противоположной стороны, на которые город вправе рассчитывать за выполнение столичных функций. До сих пор союзное правительство, по его словам, ни разу не предприняло никаких мер по отношению к республикам, не выполняющим обязательств по поставкам в Москву, хотя эти обязательства само и устанавливало.

На взгляд Попова, хорошо, что в проекте отражены эти вопросы. Плохо другое. Законопроект определяет, как устроить внутреннюю жизнь Москвы, каким должен быть глава города, администрация, хотя все эти вопросы должны оставаться в компетенции Российской Федерации и самой Москвы. «Эта «лишняя» часть закона, — подчеркнул председатель Московского Совета, — должна быть просто из него изъята. Иначе центр сам создает ситуацию, когда провоцируется очередной тур противостояния с Россией».

Очень важно, как будут строиться отношения Москвы с Союзом: напрямую или при участии Российской Федерации? По мнению Г. Попова, участие России необходимо. Но закон этого не предусматривает.

«И, наконец, еще одна серьезная проблема: отношения Москвы и Союза никак не включают контактов городских властей с различными общественными организациями, которые собираются обосновать или уже зарегистрированы на столичной территории. Какие обязательства в отношении прописки партийных функционеров или, к примеру, предоставления помещений несет Моссовет?»

Похоже, что проект союзного закона нуждается в существенной переработке. Неясно пока, победит ли здравый смысл и получат ли российские законодатели право решать, какими быть органам власти и управления в древней российской столице. По словам депутатов российского парламента, включенным в «президентскую» комиссию, их коллеги соглашались на словах, что это прерогатива России, «но есть социальный заказ президента». Посмотрим, но Россия свое мнение уже высказала: Президиум Верховного Совета РСФСР принял временное положение, из которого следует, что управление внутри Москвы России видится совсем по-другому, чем Союзу.

ПАРЛАМЕНТ: Добрые намерения накануне чрезвычайного положения

Татьяна ЯХЛАКОВА

На стыке двух недель — минувшей и нынешней — мы вновь стали свидетелями дебатов вокруг вывода страны из кризиса. «Мозговую атаку» на проблему вели участники «круглого стола», организованного «Комсомольской правдой», делегаты второго съезда объединения народных депутатов «Союз», а также члены союзного парламента, которым в понедельник была предложена к рассмотрению правительственная программа антикризисных мер. При этом колебаний и сомнений не испытывали лишь члены «Союза», ультимативно настаивающие на введении в стране чрезвычайного положения.

Одновременно проходила межпарламентская конференция, созданная по инициативе Демократического конгресса. При незначительности участников она сумела собрать под одной крышей как представителей парламента тех республик, которые заинтересованы в сохранении Союза, так и тех, кто взял курс на независимость. Последние присутствовали на конференции в роли наблюдателей, однако выразили готовность расширить межпарламентские контакты, видя в этом единственный путь ненасильственного разрушения тоталитарных государственных структур.

Отношение к Союзу — тот камень преткновения, о который по сей день спотыкаются национальные демократические движения в попытке объединиться. Даже «Демократическая Россия» разделилась на два течения в силу разного видения будущего Союза. Демократический конгресс потому и сумел собрать вместе парламентариев разных республик, что предложил модель равноуровневого устройства государственных отношений — федеративного, конфедеративного и просто партнерского по европейскому образцу.

Гибкость этой модели, а также сознание того, что одиночные усилия национально-демократических движений даже там, где они пришли к власти, не в состоянии обеспечить народам реального суверенитета, позволили участникам конференции, несмотря на разницу позиций, выразить удовлетворение ее результатами. Решено, что межпарламентская конференция станет постоянно действующим консультативным органом и будет собираться не реже одного раза в три месяца.

Последнее обстоятельство можно было бы расценивать как прорыв к сотрудничеству, если бы не неотвратимое ощущение запоздалости этого шага. Когда в соседнем здании группа «Союз» единодушно диктует свои требования, а антикризисная программа правительства — это объявление чрезвычайного положения в экономике, осторожные попытки наладить межреспубликанские контакты на общедемократической основе выглядят катастрофически опоздавшими.

Расчет на то, что демократическому движению удастся соединиться с рабочим, нельзя назвать оправданным, несмотря на то, что была принята резолюция в поддержку последнего. Требования шахтеров включить в повестку дня «круглого стола», за проведение которого высказались и участники конференции, вопросы об отставке Президента СССР и Кабинета министров, не было напрямую ни поддержано, ни отвергнуто.

БЕЛОРУССИЯ: Переговоры зашли в тупик

Владимир ГУБАРЕВ

После десятидневного перемирия в Белоруссии возобновляется политическая сатча. На этот раз ею охвачена вся республика. Формальным поводом для нее послужил отказ Президиума ВС республики немедленно созвать «чрезвычайную» сессию парламента для решения следующих вопросов: департизация структур государственной власти, национализация собственности КПСС — КПБ, принятие нового закона о выборах на многопартийной основе, введение частной собственности на землю, обеспечение суверенитета Белоруссии и др.

Справедливости ради следует отметить, что позиции Президиума ВС БССР под воздействием последних событий сильно изменились. По мнению части его членов, было достигнуто принципиально смысловое согласие с требованиями стачкома. Более того, в ряде случаев члены президиума шли гораздо дальше, предлагая конкретные механизмы реализации этих требований. Сближало стороны и негативное отношение к центру. Впрочем, это становится общим местом для всех политических сил Белоруссии. (Недавно даже ЦК КПБ заявил, что меры союзного правительства «не поддаются разумным объяснениям и здравому смыслу»).

Однако, несмотря на это, к компромиссу прийти не удалось. Сказывается дефицит доверия к власти. Григорий Явлинский недавно так описал природу происходящего в Белоруссии: «Это нормальная реакция на ненормальную экономику и лживую политику!»

«Нам нечего терять!» — заявляет один из сопредседателей стачкома Георгий Мухин. И эти настроения достаточно сильны. Среди сочувствующих политическим требованиям стачкома не только рабочие, студенты, научная интеллигенция, но и многие представители администрации предприятий. Однако, похоже, не все отдадут себе отчет, с какими лишениями может быть связана затяжная забастовка. И если нынешнюю ситуацию в Белоруссии практически все определяют как критическую, то, как она будет развиваться дальше, многие представляют по-разному.

Александр Галькевич, руководитель пресс-службы минского стачкома: «Если к 26 апреля забастовка охватит всю республику, это даст свои результаты. Какие? Ну, Верховный Совет станет другим, несмотря на то, что там 85 проц. — коммунисты. Второе: департизация они примут, никуда не денутся».

Станислав Шушкевич, первый заместитель Председателя ВС БССР: «Паралич оциумной части промышленности поставит крест прежде всего на социальных программах. Складывается впечатление, что члены стачкома, исходя из самых лучших побуждений, оказывают тем, с кем они борются, фантастическую услугу, предоставляя повод для введения чрезвычайного положения и толкая к этому Верховный Совет республики».

Итак, приходится признать, что после цивилизованного диалога стачкомов с правительством ситуация в Белоруссии вернулась к более привычному для нас состоянию политического пата, когда ни одна из сторон не хочет да, пожалуй, и не может в силу жесткости занятой позиции уступить.

«Я потерял почти всякую надежду...» — признался Станислав Шушкевич, покидая поздно вечером 19 апреля заседание Президиума ВС БССР после безуспешной попытки достичь соглашения со стачечным комитетом.

КПСС: Убрать генерального и выровнять генеральную линию?

Виктор ЛОШАК

Слава Богу, страна давно уже не ждет ни пленумов ЦК КПСС, ни тем более их исторических решений. Хотя на главные партийные штабы немалая часть населения взирает с опаской: каковы будут очередные «мирные инициативы»?

Большинство читателей возьмет этот номер в руки, уже зная, что произошло на последнем пленуме ЦК КПСС, мне лишь хотелось бы высказать собственное мнение, сложившееся накануне 24 апреля.

В очередной раз из-под красных ковровых дорожек Старой площади до нас доходит лишь глухое эхо сумятицы и внутреннего переполоха. Вспоминая, когда в республиках начали национализацию партийного имущества, и ссылая на то, что все оно принадлежит Москве, ЦК, никого не убеждает. Как аргумент в сражении за партсобственность, конечно, хороши десантники. Но мир еще не успокоился после Литвы.

Можно, как Полозков, в очередной раз подтвердить верность «коммунистической перспективе», но нельзя не видеть всего, что творится в столице и особенно за московской кольцевой дорогой. Требования департизации в Белоруссии, митинги на Украине, национализация собственности компании в Армении... Один из лидеров московских коммунистов и КП РСФСР заявляет: «Авторитет у партии упал, и если так дальше пойдет и мы не проделаем нужный маневр, КПСС превратится в партию вымирающих пенсионеров».

Весь вопрос в том, каким же будет маневр?

Как всегда, речь идет не об изменении принципов или системы, а лишь о том, чтобы убрать с доски одного короля и поставить на его место того же цвета новую фигуру. Если требования убрать Горбачева с поста генерального — это лишь бунт партийных посредственностей, то, крича на них и отечески пожурив, Михаил Сергеевич исчерпает на этом инцидент. Если же идея смещения вживлена во многие умы и начнет серьезно материализовываться на пленуме, то, на мой взгляд, будет это крайне странно. Кто же, как не Горбачев, несколько лет защищал КПСС своим авторитетом? Какую услугу может оказать президенту для повышения его престижа ЦК КПСС больше, чем ходатайство об освобождении от должности руководителя непопулярной партии? Конечно, он мог оказать ее себе и сам, но изгнание было бы куда эффективней.

В канун пленума оптимизм отлив любви номенклатуры не только к Горбачеву, но и к Полозкову. Иван Кузьмич проиграл российский съезд, мысль его как крутилась, так и крутится вокруг социалистического выбора и укрепления рядов партии, а тут еще в КП РСФСР заведась группа «Коммунисты за демократию»... Опущение такое, что Ивану Кузьмичу пора садиться за мемуары. Об этом ему напомнила на истекшей неделе его же ручная «Советская Россия», опубликовав решение пленума одной из крупнейших в республике парторганизаций, Свердловской: поставить вопрос об отставке Полозкова, поскольку ни авторитетом, ни доверием он не пользуется.

По меркам мировой политической жизни у КПСС сейчас ситуация парадоксальная: правящая партия в оппозиции. Не зря недавно в ЦК совещались: среди депутатов всех уровней коммунистов большинство, а толку мало — линия ЦК (есть ли она?) проводится не везде.

Неужели и на этом пленуме нас ждет новая генеральная линия, крышка всех, кроме себя; взгляд свысока? А может быть, найдутся трезвые голоса и мы услышим: стране необходимо тяжело, хоть сейчас не мешайте!

ТЕЛЕВИДЕНИЕ: Затишье перед боем

Лидия ПОЛЬСКАЯ

Абсурдность нашей социально-политической ситуации в какой-то мере даже и зыбна. После твердого «нет», сказанного «Взгляду», он ушел в подполье, о чем нас известили в одном из последних выпусков ленинградского «Пятого колеса». Но такое подполье, сидя в котором, можно организовать акционерное общество, создавать очередные выпуски и распространять их на кассетах по всей стране. В этом странном подполье можно даже рекламировать себя, пользуясь услугами того же телевидения. Владислав Листьев недавно сказал, что участие в передаче «Поле чудес» является для него средством подпитывать деньгами «Взгляд» в подполье. Это признание, сделанное печати, не подвигло, однако, водство ЦТ искоренить популярную телевизионную революцию.

Революционеры ленинградские школы могли бы обидеться за кредитацию конспиративного понятия «подполье». Но для передачи, отколовшейся от могущественного ЦТ, подпольем называется, наверное, все то, что не под крышей Останкина. Мне кажется, «взглядовцы» выбрали неплохой способ самосохранения. Но с тем резонансом, к которому они привыкли, и с ролью, которую они играли в демократическом процессе, когда сидели в студии ЦТ, им, видимо, придется расстаться, пока они не найдут новой возможности выйти в реальный телевизионный эфир. Одно дело — включить телевизор, что привлекало 150 миллионов зрителей, другое — искать видеоманифесты и кассеты. Новый способ бытования «Взгляда» изменит отношения передачи к обществу, пропадет грандиозный эффект новизны и всем сразу». С ас же как «взглядовцев», так и зрителей может только греть мысль, что заставить молчать передачу не удалось. Но эта политическая врица к телевизионным свершениям не имеет никакого отношения.

Впрочем, и других свершений тоже не было. Ситуация на ТВ в условиях никем не замечаемого уже бойкота, разлуки со многими ведущими напоминает затишье перед боем. С середины мая по 6 часов в день начнет вещать Российская телекомпания. Призрак конкурента уже витает над Останкинской башней. ЦТ, естественно, придерживается козыря, если тактовые имеются при массовой эмиграции на российский канал. Свои тактико-стратегические планы ЦТ держит в секрете, случайно выдал лишь один из них: американцы предоставляют нам несколько телефильмов, среди которых суперсериал «Даллас», завороживший уже многие страны. Можно понять тех, кто поспешил с этой покупкой: раньше зрители смотрели, что им давали, завтра грядет выбор. И можно биться об заклад: «Даллас» будет выставлен как один из противников канала, настроенному, судя по нескольким пробным передачам, оппозиционно. Не исключено, что американским фильмом постараются закрыть наиболее интересные передачи России, переманивая зрителей на президентский канал высокочастотным зрелищем.

По последней премьере ЦТ — телефильму «Новая Шахерезада» — можно понять, что на собственную продукцию наше телевидение надеяться не может. Легкие послабления в сфере творчества сказались в том лишь, что ТВ начало осваивать задворки нашей жизни в тот момент, когда старший брат — кинематограф уже выползает оттуда, раскопав там все, что только можно.

На стачку шахтеров рабочий Киев ответил трехдневной забастовкой. Начата всеукраинская стачка студентов. Но бунт в аудиториях, как и бунт под землей, — это еще не землетрясение, а лишь первые толчки, предупреждающие о грядущем взрыве.

КИЕВСКИЙ ПРОЛОГ

ПЛОЩАДЬ. Исход шахтеров в Киев — это две недели назад. Кто на автобусах, кто автостопом добирался шахтеры до украинской столицы.

С утра и до поздней ночи люди в касках и рюкзачно стояли у памятника основателю пролетарского государства и борцам за свободу, за каменными спинами которых укрывались отряды ОМОНа. На всякий случай.

Даже здесь, на площади, понимаешь: положение украинских шахтеров трагично. Позади полтора месяца забастовки. У многих семей кончились деньги. Но если даже деньги и есть, то купить на них нечего. Полки магазинов Донецка, Первомайска, Луганска почти пусты. Не хватает даже картошки. В Первомайск пришло несколько машин с продовольствием из Литвы, присылают еду крестьяне. Это помогает продержаться. А что потом?

СОЛИДАРНОСТЬ. Шахтеры пришли в Киев не просто с маршем протеста. Их вела надежда поднять Киев и всю Украину на всеобщую стачку, чтобы добиться выполнения своих политических требований. А они включали: отмену поста президента, роспуск всех союзных структур власти, роспуск ВС Украины и новые выборы на многопартийной основе.

Эти требования поддержали и киевские рабочие. Забастовала «Ленинская кузница», некоторые цеха «Арсенала», «Большевика», национальное объединение имени Антонова — основном заводы союзного подчинения, непосредственно связанные с ВПК, всегда считавшиеся форпостом центра и зоной партийного влияния.

Рабочие Киева не прошли всех фаз развития шахтерского движения, которое начиналось «с колбасы». Они сразу подключились к политическим лозунгам шахтеров. «Пока не изменим систему, нам надеяться не на что» — это не просто расхожая фраза, это грозный знак для власти, которая всегда выступала от имени этих рабочих. В считанные дни были созданы стачечные комитеты, которые вошли в республиканский стачком.

ПРОВАЛ? Однако забастовка в Киеве была краткой. Уже в прошлую пятницу рабочие вернулись в свои цеха. Успокоенно (или затихнуто перед новой бурей) способствовало отчасти и принятие согласованного протокола парламентской комиссии, правительства и представителей совета бастующих шахтеров, в котором дается обещание частично выполнить экономические требования, а также ускорить разработку проекта конституции, гарантирующей Украине суверенитет.

Но сколько уже было таких обещаний? Шахтерские лидеры на площади восприняли этот документ как очередную полумеру, если не как попытку расколдовать рабочее движение. «Мы намерены бастовать до упора!» — говорили они. Но где он, этот «упор», не знает никто.

Нет никакой гарантии, что нам удастся удержать людей от работы, — сказал член республиканского стачкома донецкий шахтер Александр Герцик. — В очередной раз наши жертвы будут напрасны. Мы вышли слишком рано, и Украина нас не поддержала...

РЕКОГНОСЦИРОВКА. А на протяжении растет. Поход на Киев и забастовка киевлян носили стихийный характер. Но в этой стихии просматривается новая конфигурация сил в рабочем движении Украины. Если раньше под «жовто-блакитными прапорами» на Крещатике стояли в основном посланцы западных земель — Галичины, то сегодня ситуация иная. Под желто-голубыми знаменами «Руха» — шахтеры.

Еще полгода назад они «Рух» на дух не переносили, в Донецке два года не удавалось от-

крыть украинскую школу. Сейчас к лозунгам национального движения присоединяются и русские. «Дайте Украине волю, и она сама решит все проблемы, в том числе и шахтерские» — так считает отнюдь не экзальтированная молодежь, а почтенные отцы семейства.

Наметившемуся слиянию рабочего движения с национально-демократическим способствовала и новая тактика оппозиционных партий. Они учли опыт Прибалтики и поняли, что невнимание к 11 миллионам русских, живущих на Украине, взорвет идею суверенитета изнутри. Все больше крепнет убеждение, что «метрополия» — это не Россия, а система, которая, как осколок зеркала злого тролля, проникла в сердце каждого.

ВЛАСТЬ. В то время когда даже национал-радикалы меняют свое отношение к России, антироссийскую карту пытается разыграть правящая партия. Нехватку бензина, леса, бумаги пытаются поставить в счет правительству России. В одном из интервью лидер украинских коммунистов Станислав Гуренко заявил, что если Ельцин станет президентом России, то никакого союзного договора не будет и республикам вновь будет отведена роль национальных окраин. Это утверждение вызвало резкий протест группы парламентариев-демократов, однако их заявление в украинской печати опубликовано так и не было.

Таков фон, на котором разворачивается стачечная борьба. Но еще один из парадоксов дня состоит в том, что, выступая под знаменем суверенитета Украины, шахтеры и рабочие рискуют помешать именно этому процессу суверенизации.

Вот почему в парламенте сохраняется настороженное отношение к забастовкам, в том числе и со стороны оппозиции. Разделяя политические ориентации шахтеров, лидеры парламентской оппозиции хотели бы иметь не столько саму забастовку, сколько дамоклов меч забастовки. Рычаг в политике, а не стихию бунта.

И, конечно, оппозиция — Народная Рада — не может поддержать требование роспуска Верховного Совета. Ведь именно с начала этого года расклад сил в парламенте изменился в пользу сторонников государственного суверенитета. Внутри фракции коммунистов обозначился раскол на импер-коммунистов, поддерживающих Станислава Гуренку, и суверен-коммунистов, тяготеющих к Леониду Кравчуку. Наметились смелка умеренного крыла оппозиции с группой поддержки Председателя ВС.

ПРОГНОЗ. Сколько продлится этот союз, покажет время. Но в такой ситуации переизборы парламента, даже и на многопартийной основе, разрушат хрупкий баланс и неминуемо приведут к укреплению позиций ортодоксальных коммунистов. Ведь при том, что шахтеры на площади «кроют» партшарат, при том, что они выгнали с шахт парткомы, позиции партноменклатуры на Украине (за исключением Донбасса и Галиции) почти не поколеблены. Она глубоко проникла в структуру Советов, она имеет собственность и газеты. Опять же, кроме Галиции, на Украине почти нет оппозиционной печати. Под контролем и телевидение.

Словом, лидеры оппозиции понимают то, чего не могут понять пока шахтерские вожаки.

В кругу демократов высказывается версия — всего лишь версия — о том, что забастовка в Киеве, успешная и неподготовленная, была «подпитана» (если не спровоцирована) партшаратом. В его недрах все чаще говорят о необходимости «поддержать стихийный протест трудящихся». Последовать его примеру готовы и официальные профсоюзы.

На эту версию работает и тот факт, что колонну рабочих авиационного объединения привели на площадь директор и председатель профкома...

Забастовочное движение — мощная сила. Судьба реформ зависит сегодня от того, кто встанет впереди колонны.

Киев — Москва.

Татьяна МЕНЬШИКОВА.

Фото Олега Иванова.

ПИСЬМО ЭДУАРДУ ШЕВАРДНАДЗЕ И НЕСКОЛЬКО СЛОВ О НЕМ

Президенту
внешнеполитической ассоциации
Э. А. Шеварднадзе.

Уважаемый Эдуард Амвросиевич!

Чрезвычайно ценя добрые отношения, которые давно уже сложились между Вами и «Московскими новостями», всегда памятуя о той поддержке, которую от Вас получила наша газета в пору ее становления, не говоря уже о том, что «Московские новости» во всем разделяли и поддерживали тот внешнеполитический курс страны, инициатором которого во многом Вы были, редакция хотела бы стать одним из учредителей международной ассоциации. «Московские новости», помимо учредительского взноса, готовы оказать возможное содействие в становлении ассоциации и предоставить свои страницы для освещения ее работы, содействуя укреплению связей ассоциации с ее зарубежными партнерами.

Глубоко и всегда уважающий Вас
Егор ЯКОВЛЕВ.

22.IV.91.

Отправив это письмо, мне захотелось сказать несколько слов о Шеварднадзе. Мы знакомы хотя и не близко, но достаточно давно. Бывал в Грузии корреспондентом «Известий», беседовал с Шеварднадзе, тогда первым секретарем ЦК КПГ. Помню ощущение после одной из таких встреч. Есть люди, которые и говорят с тобой максимально доброжелательно, и откровенны, но при этом выпускают в свой внутренний мир, как говорится, в душу до точно определенного предела, а дальше — стоп, непроницаемая стена. Эту способность, которая в полной мере относилась к моему тбилисскому собеседнику, я, признаться, отнес на счет его партийно-руководящей биографии. Позже убедился: всякий человек, обладающий напряженной внутренней жизнью, стремящийся разумно совместить рождающиеся у него выводы с окружающими реалиями, иначе существовать не может.

Потом были встречи в Москве. И вот два вывода, к которым я пришел, — быть может, они помогут лучше понять Шеварднадзе.

Для меня он первый человек из советского руководства, который попытался соединить в себе, скорее всего, несоединимое: политику и нравственность. Можно выдвигать какие угодно гипотезы по поводу отставки Шеварднадзе. И тем не менее я настаиваю: нравственный фактор был решающим. Уже подав в отставку, он рассказывал мне, как трудно давались ему первые шаги на дипломатическом поприще, когда стремился добиться взаимопонимания с руководителями западных стран, и достигнуто оно могло быть лишь через доверие. Не к политике вообще, а к человеку, который ее отстаивает. Шеварднадзе поверили — поверили, подчеркиваю, лично. А когда ему стало очевидно, что в силу перемен, происходящих у него дома, завтра он не сможет быть тем, кто он есть сегодня, Шеварднадзе предпочел отставку этой униительной необходимости.

Кстати, об отставке он заговорил не в первый раз, во всяком случае во второй. И это меня тоже убеждает в его нравственном выборе. В дни апрельской трагедии, два года назад, я был в Тбилиси, когда туда прилетел Шеварднадзе. Москов-

ШЕВАРДНАДЗЕ:

Я познакомился с антикризисной программой правительства. В ней, несомненно, есть разумное, но изменить на основе ее сложившуюся ситуацию вряд ли удастся. Нужны решительные меры, чтобы добиться хоть какого-нибудь прогресса, элементарной стабилизации. А мы медлим, и люди все больше устают от нереализованных обещаний. Давно было сказано: образуем рынок жилья. Год за годом говорим об этом, а рынка как не было, так и нет. Начались продажа жилья, пусть по самым заниженным ценам, и все бы это почувствовали в течение нескольких месяцев. Люди заинтересованы в том, чтобы вложить накопленные средства во имя собственного жилья. А мы продолжаем поиски приемлемых условий, тратим огромные суммы на дотацию жилого фонда.

С какого момента, как вам кажется, наступило отставание?

Отставание, мне кажется, наступило с 1986 года. Мы уже тогда говорили о необходимости рыночных отношений — во всяком случае определенная группа в руководстве — понимали неминуемость реформы цен: ни одно госу-

ский официоз продолжал убеждать читателей, что в Тбилиси ничего страшного не произошло: заботливо рассеяли экстремистов на благо грузинского народа. Первое, что сделал Шеварднадзе, появившись на родной земле, — возложил цветы там, где под ударами дубинок и саперных лопат гибли ни в чем не повинные люди. И когда на II Съезде народных депутатов СССР отчет комиссии Собчака о причинах тбилисской трагедии был превращен в клоунаду выступлением военного прокурора Катусева, Шеварднадзе потребовал отставки. Он говорил тогда о том, что от имени руководства страны пообещал в Тбилиси честное расследование того, что случилось. Этого не произошло, и он не может участвовать в обмане своего народа. Не могут те, для кого нравственный разлад с самим собой не может быть возмещен никакими постами.

И второе. Шеварднадзе поразительно сильный человек. Я видел его в кресле министра иностранных дел, когда он уже им не был, подав в отставку. Продолжал заниматься делами, сдержанно беседовал при мне с Горбачевым, отстаивая то, что считал правильным, готовил передачу дел своему преемнику и никому не позволял высказывать и намека на соблазновение.

Возглавляемая им ныне международная ассоциация располагается на улице Елизаровой, в уютном полупустом особнячке, который тем не менее находившееся здесь прежде посольство Республики Чад предпочло сменить. В штате ассоциации пока четыре человека, не считая самого Шеварднадзе и бухгалтера, которая работает по совместительству. Каково начинать вот так, с нулевого цикла, еще вчера находясь в центре мирового муравейника на Смоленской площади, определяя внешнеполитический курс великой державы, — это ведомо лишь тому человеку, которому приходится все это пережить. Шеварднадзе, как и прежде, доброжелателен, приветлив, судит о происходящем без предвзятости и обид. Недавно состоявшаяся у нас беседа еще раз убеждает в этом.

дарство не может существовать при таких дотациях. Но сказана нерешительность, ссылки на то, что народ поверил в перестройку и такие крутые меры скажутся отрицательно. Но все это надо было делать именно тогда, когда был велик кредит доверия. То же самое в национальном вопросе. Если бы нынешний проект союзного договора был выдвинут три года назад, его бы приняли под аплодисменты. Тогда же, на этапе выборов народных депутатов СССР, шли разговоры с Горбачевым: необходимо президентство, которое обеспечит реальную власть. И тогда это действительно было бы так и встретило бы несомненную поддержку. Снова не решились...

Я говорю не о вине одного человека, а об отставании всего руководства, о давлении его консервативной части. Продолжается это и сейчас.

Не идем на деполитизацию армии, органов власти. Но это неизбежно. Требования и парламентов, и митингов все равно заставят на это пойти — не сегодня, так завтра. А еще вчера это можно было сделать по собственной инициативе. Как-то я спросил у Геншера: какие партии представлены у него в министерстве? Он по-

жал плечами и обратился к своему ближайшему помощнику: состоит ли он в какой-нибудь партии? Оказалось, что помощник — социал-демократ, но Геншера это абсолютно не интересовало.

Вы как-то заметили, что один из просчетов перестройки заключается в том, что не была создана нормально действующая оппозиция.

Я говорил о конструктивной оппозиции, не имея при этом в виду, что нет оппозиции в парламенте: оформившаяся или нет, но она дает о себе знать. Я имел в виду, что надо было способствовать формированию оппозиционных структур, возможно, другой массовой партии параллельно с коммунистической. Я не за то, чтобы эту партию распустить — пусть она действует в рамках своих законных структур. Но следовало поддерживать формирование и другой достаточно солидной партии. Сейчас появилось много партий, наверное, их несколько сот, но при этом они малочисленны и, обратив внимание, нет ни одной общесоюзной. Но говорить о становлении конструктивной оппозиции становится все труднее потому, что мы не знаем, сколько нам времени отведено. А консолидация здравомыслящих, прогрессивно думающих людей, конечно же, необходима.

ПОЛИТИКА

ВРЕМЯ РАЗМЕЖЕВАНИЙ

На мой взгляд, ситуацию в обществе все меньше и меньше определяют конкретные действия Горбачева или Ельцина. Решающими факторами становятся нарастающий кризис в экономике и как следствие — готовность значительной части населения к активным формам массового политического поведения. По данным ленинградских хозяйственников, в мае у многих предприятий, возможно, уже не хватит средств на выплату компенсаций. Это может послужить детонатором мощного социального взрыва, «второго издания» минских событий уже в масштабах страны. Наиболее уязвимыми оказываются при этом промышленные центры и в первую очередь цитадель ВПК — Урал.

Тем не менее говорить о каких-либо согласованных массовых акциях типа всеобщей политической стачки пока нельзя. Скорее наоборот — страну будут лихорадить попеременно вспыхивающие то здесь, то там забастовки и стихийные «бунты». Правительство Союза еще может по-прежнему идти на частичные экономические уступки, напроочь отменяя политические требования, но его время уже уходит. И если в мае нарастающая напряженность не достигнет пикового предела, то лишь потому, что слишком велика инерционность процессов, особенно на периферии.

На этом фоне действия руководства России и Союза в значительной мере носят вынужденный характер. Лидерам России едва ли удастся использовать полученные дополнительные полномочия для изменения экономической ситуации. Если даже за время, оставшееся до президентских выборов, будут приняты ключевые законы РСФСР (о приватизации, о местном самоуправлении и др.), это мало что изменит, поскольку на местах их невозможно пока реализовать. Прозвучавшая из уст Ельцина угроза ввести институт наместников, вероятно, тоже останется нереализованной, тем более что главная цель этого шага — земельная реформа — к весне 1991 года уже ушла из пределов досягаемости. Впрочем, отсутствие механизма реализации российских программ дает Ельцину дополнительные козыри в борьбе с оппозицией внутри российского парламента и на уровне руководителей областей. Продолжая тактику «перетягивания каната» в преддверии президентских выборов, Ельцин может обеспечить себе поддержку, раздавая индальгенции бастующим и предавая анафеме союзный центр. Не исключено, что уже в мае союзные структуры власти столкнутся с согласованными действиями не только со стороны общественных движений, но и по линии Верховных Советов республик, их лидеров.

Происходящие в стране события, несомненно, отразятся и на КПСС. Вне зависимости от итогов предстоящего пленума ЦК усилится идейное противостояние между крайними консерваторами и тем крылом, которое об-

значилось на последнем съезде российских депутатов как «Коммунисты за демократию». Реформаторы будут, вероятно, подвергнуты ostrакизму и тем самым «наберут очки», что ускорит их организационное оформление. В отличие от «Демократической платформы», основу которой составляла преимущественно интеллигенция, «новая волна» внутрипартийной оппозиции грозит затронуть не только промышленные гиганты, но и структуры армии, а также правоохранительные органы.

Что же касается общедемократического движения, то наметившийся в его рядах раскол, противоречия между радикалами и сторонниками «круглого стола», между сторонниками и противниками сохранения единого Союза будут все более нарастать. Размежевание «Демократической России» на два политических течения, о чем было открыто сказано в середине апреля, — первый, но не последний шаг в этом направлении. Май в этом смысле может пройти под знаком размежеваний как среди коммунистов, так и среди демократов.

Сценарий предстоящего в мае российского съезда будет определен имеющими раскладом сил. «Коммунисты России» изо всех сил постараются низвести полномочия будущего президента до уровня «спикера всея Руси». При этом будут использованы разнообразные тактические приемы, включая демарш автономий — вплоть до декларативного выхода из состава РСФСР. Возможен и демонстративный срыв съезда с предложением переизбрать весь депутатский корпус, что отсрочило бы реформу власти в России еще на 3 — 4 месяца.

Другой майский съезд, со страхом ожидаемый либеральной интеллигенцией, если и будет созван по инициативе народных депутатов СССР из группы «Союз», на мой взгляд, не внесет существенных изменений в развитие политической ситуации. Даже теоретически возможное смещение Горбачева со всех занимаемых им постов не изменит политики центра. Будет ли у руля Лукьянов, Янаев, Павлов или кто-то еще — союзная власть ради удержания ситуации под своим контролем вынуждена будет прибегнуть к «чрезвычайным» мерам, к «румынскому» или «китайскому» вариантам. Хотя вряд ли попытка сместить Президента СССР удастся: демократы, вероятно, в очередной раз бросятся спасать Горбачева. Наивны, на мой взгляд, и надежды на добровольную отставку союзного правительства. Оно не пойдет на такой шаг, ибо в этом случае придется нести ответственность за развал финансовой системы, за «проедание» западных кредитов, за Карабах, Тбилиси, Баку, Ош, Вильнюс...

В целом май 1991-го можно охарактеризовать как один из последних месяцев господства старых структур. Однако по-прежнему открытым остается вопрос об альтернативах дальнейшего развития.

Владимир ГЕЛЬМАН.

ЭКОНОМИКА

Сегодня месячные доклады Госкомстата, приближающиеся по своей тревожности к сводкам Совинформбюро ноября 1941 г., помечаются грифом «не для печати», а Госплан, экстренно пересматривая свой план-прогноз на 1991 год и выходя на те оценки, которые давались экспертами 4 — 5 месяцев назад, засекречивает их.

Факты таковы, что падение макроэкономических показателей в марте 1991 г. к марту 1990 г. составило уже 12 — 15 процентов. И май эту тенденцию не изменит — разве что усилит. Выходя за рамки месячного прогноза, можно утверждать: даже 20-процентное падение производства к концу года выглядит для нас оптимистическим вариантом.

В мае усилится и такой опасный процесс, как высвобождение рабочей силы в результате остановки производства. Московские городские власти уже пытаются запретить предприятиям увольнять работников под этим предлогом, но в силу такого запрета верится слабо.

Продолжится переход инфляции из подавленной формы в открытую, причем этот процесс

При всей важности предыдущих моментов все же наиболее серьезный выбор встает в финансовой сфере, хотя для населения крах финансовой системы и проблемы государства с бюджетом — вещь непонятная. Тем не менее союзный бюджет лопнул, как мыльный пузырь. До сего дня финансирование государственных расходов еще удавалось осуществлять за счет банковских кредитов, но профинансировать весь 160-миллиардный дефицит за счет эмиссии Госбанк пока не решает и грозит прекратить кредитование союзных расходов.

Я верю Леониду Кравчуку, когда он говорит («МН» № 16), что у Украины просто нет денег, чтобы перечислить их в союзный бюджет, да и Россия смогла свести концы с концами лишь потому, что не открыла финансирование ряда проектов и программ. Так же поступило и союзное Министерство финансов. Но это значит, что в мае давление на руководство Союза и республик по этим вопросам возрастет.

Республики обвиняют центр в развале финансовой системы, не перечисляя обещанных сумм в союзный бюджет. А союзные власти, боясь

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ВЕСНА? НЕ ОЖИДАЕТСЯ

пойдет сам по себе, независимо от программ и воли союзного или республиканского начальства. А это значит, что уже в ближайшее время правительство опять встанет перед дилеммой: снова платить дотации или снова повышать твердые цены. Вполне возможно, что это произойдет уже в мае — июне.

Потребительский рынок не станет более привлекательным: покупать из-за высоких цен станут, возможно, меньше, но витрины все равно не наполнятся из-за резкого спада производства. На это накладываются еще один момент. Конец весны — начало лета — это тот период времени, когда урожай уже использован, а новый еще не появился. Произойдет объективное (по законам социалистического хозяйства) снижение предложения продуктов питания, в первую очередь овощей, как в госторговле, так и на колхозном рынке, а значит, рост цен получит новый импульс.

Это лишь подтолкнет в очередь на переговоры с правительством о повышении зарплат в след за шахтерами нефтяниками, металлургами, рыбаками, железнодорожниками и т. д. В силу отсутствия серьезной социальной поддержки союзный Кабинет министров вряд ли станет упорно отказываться. Следовательно, деньги на рынок придут, а товара не прибавит. Физические объемы потребления; а значит, и реальный жизненный уровень будут падать, а цены расти.

признаться в обмане всех и вся при утверждении бюджета, почему-то считают, что если передвинуть дефицит в республику, то ситуация шитая. Тем не менее, пока правом на эмиссию обладает лишь центр, ее можно хотя бы контролировать. Но если ее начнут и республики, то можно смело переходить на натуральное хозяйство и отменять деньги.

Встает вопрос: в состоянии ли политика сесты за стол и договориться о преодолении бюджетного кризиса? Для этого требуются мужество, готовность к компромиссам и способность жертвовать частью своей популярности. Альтернативный вариант — стабилизация на основе введения республиканских валют. Но для этого нужно найти 15 Людвигов Эрхардов.

Выбор все равно придется делать, от него не уйти. С точки зрения истории, сейчас или через год — это не так уж и важно. Но то, что этот выбор не будет сделан в прогнозируемый период, я практически уверен. Готовности идти на взаимное урегулирование бюджетов не видно ни в центре, ни в республиках. А введение собственных валют не подготовлено даже технически.

Сергей АЛЕКСАНШЕНКО, кандидат экономических наук.

МНЕНИЯ ЭКСПЕРТОВ

В опросе принимали участие: кандидат исторических наук Ксения МЯЛО, доктор философских наук Валентин ТОЛСТЫХ, кандидат юридических наук Сафа МИРЗОЕВ, кандидат технических наук Георгий САТАРОВ, кандидат исторических наук Лев ОВРУЦКИЙ.

1. Ожидаете ли вы, что в мае в результате нового витка инфляции расширится забастовочное движение? Будут ли активизироваться другие формы протеста?
Средположением К. Мяло о «дальнейшей эскалации забастовочного движения» согласны все эксперты, кроме Льва Овруцкого, который считает, что «волна побед на спад и закончится шахтерская стачка». Остальные же допускают включение в забастовочное движение «неожиданных регионов» (Г. Сатаров) и «иных радикальных форм гражданского неповиновения» (С. Мирзоев, которого, по его словам, «страшат голодные бунты»). Однако в анализе причин эскалации забастовок эксперты расходятся. Некоторые из них убеждены, что растущая инфляция — причина не главная. Скорее следовало бы говорить о «крахе стратегии перестройки» (К. Мяло) и «прорвавшейся наружу, давно копившейся обиде за полуправду и политиканские игры с народом» (В. Толстых). Он же считает, что забастовщики «хотят реформ, а не их имитации», поэтому «не

следует представлять их эгоистами и антипатриотами».
2. Каким вы видите май — месяцем дальнейшего размежевания по всем осям политической жизни или начавшегося сближения?
Последнему месяцу весны наши эксперты дают тревожные определения: он будет месяцем противостояния, «вехой в политическом процессе 90-х годов» (К. Мяло). Она же полагает, что следует ожидать «разлома устоявшейся схемы «левые — правые». Внутри каждого из этих блоков вероятны расколы, а это значит, будут идти и размежевание, и сближение. Можно ожидать появления весьма парадоксальных блоков и союзов». Л. Овруцкий наблюдает тенденцию к углублению размежевания «Россия — автономия», а также говорит о возможном расколе в партии Ползкова.
3. Чего вы ожидаете от очередного российского съезда? Как использует Борис Ельцин предоставленные ему дополнительные полномочия?
Большинство экспертов считает, что Ельцин пока не использует предоставленный

ему шанс «для прочистки фарватера политической и гражданской жизни» (К. Мяло). Хотелось бы, чтобы эти полномочия были использованы для «осуществления земельной реформы в России, воплощение которой стало бы самым великим событием после отмены крепостного права» (С. Мирзоев). В. Толстых убежден, что Ельцин сможет реализовать свои полномочия только с помощью и при содействии Горбачева, «поскольку ирония судьбы в том, что они зависят друг от друга и никуда им от этого не деться».
Что же касается съезда, то «если не произойдет кристаллизации новых сил, он рискует соскользнуть в режим хронической пробуксовки. Возможен резкий демарш автономий» (К. Мяло). Борьба вокруг объема президентских полномочий, по словам Г. Сатарова, приведет, как уже было неоднократно, к «не очень работоспособному компромиссу». По мнению Л. Овруцкого, «место арбитра на съезде займет фракция Руцкого, тем более что она увеличит-

«Черный» рынок часто называли кривым зеркалом экономики. Сегодня он стал ее вполне адекватным зеркальным отражением. Во всяком случае о новых государственных ценах на дефицитные промышленные товары рядовой потребитель может судить только по ценам спекулятивным. Товары эти в открытой продаже так и не появились. Газеты печатают выдержки противоречащих друг другу преискуррантов. По новой цене «черного» рынка объективно вычисляет масштаб павловского повышения...

«Черный» рынок: рубли на вес

Через месяц товары стоимостью до тысячи рублей на «черном» рынке подорожают вдвое.
Чтобы убедиться в верности этого печального прогноза, я не только регулярно созванивался с Калининградом, Владивостоком, Красноярском, но и дважды со 2 апреля побывал на тульской барачке. Тенденция едина: каждая неделя приносит примерно пятнадцатипроцентное подорожание.
Объясняется оно просто: рубль перестает работать не только в традиционной советской экономике, но и в теневой. Курс продажи доллара с рук перевалил тридцатирублевый предел, и за этой отметкой стала невыгодна самая распространенная схема, приносящая еще год назад миллиардные прибыли: обращать рубли в валюту, закупать товары за рубежом, а потом продавать их

в Союзе. Уменьшились очереди в кассах Аэрофлота, продающих билеты за границу. Видимо, сказалась и новая «космическая» цена билетов. Челночное путешествие за товаром становится невыгодным во всех смыслах.
Значит, привозных товаров на «черный» рынок станет поступать намного меньше. Он будет питаться в основном товарами, вывезенными перед подорожанием с оптовых баз. Их немало, по оценке специалистов, на десятки миллиардов рублей. Но спекулянты не торопятся бросить их на рынок, понимая, что следующее официальное подорожание не заставит себя ждать, так как и новые ценники не приостановили темпов падения производства. Сейчас в оптовой государственной торговле промышленности дает промтоваров еще меньше, чем раньше.
Рост чернорыночных цен на летнюю одежду в мае будет лидировать. Видимо, он составит не менее 300 процентов, но, возможно, и больше. Во всяком случае сегодня женская французская маечка «Шанель» стоит в Туле три сотни. Сколько бу-

дут просить за нее к концу мая?
Затормозился рост цен на автомобили. Но к июлю, когда правительство будет вынуждено под давлением трудящихся повышать зарплату и бумажные деньги начнут наводнять страну, а покупатели убедятся, что новые цены на «Жигули» не дали вазовскому конвейеру ускорения, сотысячный запрос за новую «девятку» станет на автомобильном рынке рядовым. Правда, резко подешевели автомобили импортные: сегодня за «девятку» дают «Тойоту» и даже «Аудио», а через месяц будут доплачивать — запчастей за вздорожавшую валюту стали утопшей. Большой рост цен на запасные части будет и за рубли. Резинка для лобового стекла той же «девятки», стоившая еще месяц назад несколько червонцев, сегодня продается за 300 — 500.
Зато, судя по спросу, не произойдет обычного в это время года взрыва цен на товары для путешествия и отдыха: люди среднего в прошлом достатка вынуждены отказываться от поездок в отпуск.
На рынках уже появились товары просто по астрономическим ценам. Например, трехтысячные кроссовки. Их пока не берут. Тульские покупатели, например, приезжают на Мясковский рынок в три — четыре часа утра, бродят с фонариками, ищут «доброе» продавца. Но таких нет, значит, либо отчаиваться, либо смиряться и покупать?
Михаил ГУРТОВИЧ.

КАК ОНИ СПАСАЮТ НАС

Еще одна «третья сила» призывает к департизации и обещает рынок без демократии

В середине апреля программа «Время» порадовала сограждан: наконец-то на русской земле сыскался смельчак, рискнувший сразиться с самим Ельциным за пост президента России. Популярный благодаря своей активной деятельности и участию в либерально-демократической партии Владимир Жириновский — первый соперник российского лидера.

И второй факт, о котором широко сообщили средства массовой информации: либерально-демократическая партия второй после КПСС прошла регистрацию в Минюсте СССР.

Какие силы представляют либеральные демократы и их лидер Владимир Жириновский?

Центристская партия или партия центра?

О центристском умеренно-радикальном блоке политических партий и движений мы впервые услышали во второй половине прошлого года. Из вошедших в него инициатив лишь одна Либерально-демократическая партия Советского Союза (ЛДП) могла претендовать на какую-то массовость, насчитывая, по оценкам ее лидера «Гласности», около 17 тысяч человек, а по словам своего лидера — более 17 тысяч. Все остальные разрозненные, малоизвестные организации имеют и вовсе микроскопическую численность, что, впрочем, не мешает им носить пышные названия (например, Союз демократических сил имени А. Д. Сахарова).

Учредительный съезд ЛДП прошел в марте 1990 года, о чем очень тепло (!) известили «Правда» и «Репортаж» во «Времени». Было отмечено, что главное в программе ЛДП — сохранение Союза. В экономической части декларировались приверженность рыночному курсу и свобода предпринимательства. Специальным пунктом в программе ЛДП было зафиксировано требование деидеологизации общественной мысли, странное, казалось бы, для тех, кто выступает за многопартийность и появился на свет как раз в результате активного политического размежевания.

Теперь немного хронологии. С мая по ноябрь 1990 года ЛДП от объединения в центристский блок с некоторыми из известных группами прошла путь к партии, с которой встречаются премьер и Председатель Верховного Совета, ее приглашают на торжественное заседание, посвященное годовщине Октября, на военный парад.

В ноябре на базе блока создается комитет национального спасения, который предлагает провести референдум о доверии центральному правительству и согласии передать комитету всю полноту власти. В том же месяце лидеры блока Жириновский (ЛДП) и Воронин (Союз им. Сахарова) посещают Абхазию и Прибалтику, агитируя за создание комитетов национального спасения.

30 января 1991 года — встреча центристов с председателем КГБ Владимиром Крючковым. Затем, судя по сообщениям в печати, последовали встречи с начальником Генштаба Михаилом Моисеевым, с первым замминистра внутренних дел СССР Борисом Громовым, некоторыми командующими военных округов. Предполагалось встретиться с министром обороны Александром Яковлевым, после чего центристы, по словам Владимира Воронина, были бы готовы к решительным действиям. Остается вопрос: к каким?

Кто заказывает музыку? Говорим — «центристы», подразумеваем...

Судя по малочисленности рядов блока, особой поддержкой среди населения он не пользуется. Демократические организации от этих центристов открещиваются. Высокие партийные и государственные инстанции тоже открыто не признают их людьми своей команды. И вместе с тем — чуть ли не совместно с руководством страны обсуждение будущих составов правительства. Постепенно просачивающиеся в печать подробности из прошлого некоторых лидеров блока немного

высветляют густые тени. Скажем, Валерий Скурлатов, глава одного из центристских подразделений — российского демократического форума, — был исключен из российского народного фронта. Причина довольно щекотливого свойства: выполнения некоего деликатного задания КГБ. Другой лидер, Владимир Жириновский в октябре 1990 г. на чрезвычайном съезде ЛДП был освобожден от должности председателя по обвинению в сотрудничестве с КГБ со студенческих лет (позднее съезд был признан незаконным, Жириновский восстановлен в прежних правах, а раскольники, наоборот, исключены). Воронин в 1976 году был арестован и осужден по обвинению в спекуляции валютными ценностями (категория дел, относящихся к компетенции КГБ), однако три года спустя условно освобожден. При всем этом любопытно, что центристский блок оказался единственной независимой от официальных структур организацией, демонстрирующей подчеркнуто лояльное отношение к компетентным органам. Жириновский: «Мы нормально относимся к этой организации, считаем, что она необходима. Мы не видим в КГБ врагов, а они знают, что нас нечего бояться».

Вообще люди, способные, смешивая некоторые демократические лозунги со своими, вносить раскол в ряды демократов и отвлекать на себя общественные дискуссии, выражать взгляды и идеи определенных кругов, не имеющих возможности выступить открыто, а также использовать псевдодемократические организации для установления от их имени власти в случае кризисной ситуации, чрезвычайно ценны для не-

которых влиятельных лиц и организаций. Последний сценарий, как известно, и был разыгран в Прибалтике, правда, с обратным эффектом: комитеты национального спасения дискредитировали себя настолько, что использовать их в качестве ширмы стало практически невозможно.

И Невзоров с ними

Сегодня из всех лозунгов центристского блока на первый план выдвинулся странный, казалось бы, призыв к департизации, включая запрещение КПСС. Объяснение этого тактического хода, видимо, следует искать в политике самого хозяина. Анализ кадров нынешнего состава КГБ, который разрушает банальное представление о нем только как о вооруженном отряде партии, — вопрос отдельный. Скажем лишь, что, судя по всему, здесь собрались достаточно влиятельные силы, которые смотрят на ситуацию чисто прагматически и понимают: идеи ленинизма терпят кризис во всем мире, историческое время, отпущенное КПСС, уже полностью израсходовано. В этих условиях разделиться с ней бесславный финал и все, что за ним неизбежно последует. Однако и найти общий язык с демократами тоже не представляется возможным: слишком сильна память о прежней деятельности комитета. Тогда наилучший выход — запретить деятельность всех партий, убраться с политической сцены и тех, и других, успокоив политическую стихию. За этим должно последовать восстановление разрушенного хозяйства и наведение порядка — дела, в которых КГБ числит себя большим профессионалом.

Недавно примерно такую мысль сформулировал популярный тележурналист Александр Невзоров (интервью «Журналисту»): «КГБ — это сила, тайный такой масонский орден, идеальный механизм, мощь которого может быть направлена и на благо России тоже. Это гениальный инструмент для созидания и сохранения либо зла, либо нормального общества». Хорошо известно, с каким гневом ленинградский телереporter всегда обличал коммунистический режим, но и демократов он тоже на дух не выносил. Какое же тогда «нормальное общество» предлагается создать с участием компетентных органов?

Похоже, именно то, которое имеют в виду Алкснис и Жириновский: рынок без демократии.

Ольга КРЫШАНОВСКАЯ, Алексей ПАВЛУКОВ.

Рисунок Сергея ХАСАБОВА.

Право КПСС на власть в глазах общества

Вот обобщенные результаты исследования (данные в процентах):

Способна ли КПСС вывести страну из кризиса?

- Да, способна — 28
- Нет, не способна — 60
- Затрудняюсь ответить — 12

В какой степени КПСС обладает интеллектуальным и нравственным потенциалом, чтобы быть правящей партией?

- В достаточной степени — 39
- В малой степени — 29
- Ни в какой — 25
- Затрудняюсь ответить — 7

Наш комментарий

Мнение политической элиты общества представляет особый интерес, поскольку опирается не только на эмоции. По сути это анализ политической и государственной практики людьми, которые сами принимают решения или влияют на их принятие.

Только 28 процентов опрошенных считают, что КПСС способна вывести страну из кризиса. Любопытно, что в эту группу входят в основном представители тех структур, которые сами оказались в состоянии глубокого кризиса, — народные депутаты СССР и руководители союзной исполнитель-

ной власти. Среди последних 69 процентов дали положительный ответ на первый вопрос.

Напротив, 84 процента представителей культуры и науки, журналисты, 80 процентов опрошенных народных депутатов РСФСР не верят в способность КПСС. И все же вывод из проведенного исследования не столь однозначен, как это может показаться на первый взгляд. Сложность и противоречивость реальной политической ситуации заключается сегодня в том, что сила общественного мнения противостоит все еще достаточно консо-

лидированная сила власти на союзном уровне. На чем бы ни основывалась ее вера в КПСС, не учитывать этого демократам нельзя.

Отвечая на второй вопрос, 54 процента опрошенных практически отказали КПСС в существовании у нее интеллектуального и нравственного потенциала. 39 процентов его наличие подтвердили (среди представителей высших союзных органов власти такой точки зрения придерживается 81 процент опрошенных). Несовпадение оценок — потенциал есть (39 процентов), а вывести страну из кризиса КПСС не способна (60 процентов) — можно трактовать по-разному. Некоторые, видимо, считают, что с кризисом не может справиться ни одна политическая сила...

Куда загадочнее другой разрыв в цифрах. Из приведенной выше таблицы видно, что часть опрошенных, отрицая наличие у КПСС интеллектуального и нравственного потенциала, тем не менее считает, что она способна вывести страну из кризиса. Невольно вспомнишь активных ныне проповедников «третьего пути». На фоне апатии миллионов рядовых членов правящей партии вполне можно представить группу политических авантюристов, готовых насильем удержать монополию КПСС, навязав обществу свою «антикризисную программу».

Геннадий ВЬЧУБ.

Кто там шагает левой?

В Ленинграде закончился первый этап второго инициативного съезда РКП

«Настоящие коммунисты» собрались, чтобы дать наказ предстоящему пленуму ЦК КПСС. Наказ дан: избавиться от политического господства тех, кто пытается повернуть колесо истории вспять. Дать отпор можно, «только разорвав путы перестроечных догм, выразив политическое недоверие антинародному курсу, проводимому антикоммунистической фракцией с М. С. Горбачевым».

По мнению участников съезда, «горбостройка» предала интересы социализма и международного рабочего коммунистического движения. Представители объединенного фронта трудящихся (ОФТ) РСФСР сообщили об организации суда над группой ученых, виновных в развале экономики страны. Впрочем, суд над Аганбегином, Шаталиным, Буничем, Петраковым может стать судилищем и над самим президентом. «Выполняя диктат иностранных президентов и придворных академиков-консультантов, он довел страну до развала, а народ — до нищеты».

Последняя фраза — из обращения делегатов съезда к шахтерам. Коммунисты выразили солидарность с требованием забастовщиков об отставке президента. Они потребовали также понижения цен, «советизации» экономики, отказа от приватизации, возвращения к ленинским принципам. Вместе с шахтерами собрались намерены подняться на борьбу со всеческими разрушениями и с засильем иностранного капитала.

Делегаты поддержали требование о выдвинутыми кандидатами в президенты России члена ЦК КПСС Алексея Сергеева. Он, в свою очередь, высказал поддержку идее чрезвычайного положения, которое «стало совершенно неизбежным»: «Чрезвычайное положение будет использовано для того, чтобы, опираясь на трудящихся, немедленно осуществить меры, повявшие трудящимся, в их непосредственных интересах, нанести решительный удар по теневой экономике и начать созидательную творческую работу по возрождению страны».

На съезде присутствовали свыше 700 человек из десяти автономных республик, трех краев, сорок одной области, а также представители Украины, Казахстана, Азербайджана, Грузии, Эстонии, Латвии, семнадцати секретарей обкомов и горкомов.

Решено преобразовать инициативное движение российских коммунистов во всесоюзную организацию. По приблизительным подсчетам организаторов, в ближайшее время она объединит около пяти миллионов человек (это почти треть численности КПСС) и станет одной из самых массовых. Поучаствовать в действии пришло много молодых людей, чем еще раз подтвердилась мысль предводителя российских коммунистов: никто из нас, не доживет до краха компартии.

Известно, что попытку «четвертой революции» оргкомитет обсуждал у озера Разлив, где в шалаше, готовя свой Октябрь, работал Ленин. Так что возможны аналогии времени и пространства.

Георгий УРУШАДЗЕ. Ленинград.

СОЦИАЛЬНЫЙ БАРОМЕТР

Служба изучения общественного мнения под руководством профессора Бориса ГРУШИНА провела очередной опрос политической элиты. Это народные депутаты СССР и РСФСР, депутаты Моссовета и районных Советов столицы, представители исполнительной власти на всех этих уровнях, лидеры и активисты партий, общественных движений и организаций, а также руководители печати, радио и телевидения, видные журналисты, деятели науки и культуры. Всего 727 человек. Им было предложено оценить право КПСС на власть в современных условиях, ее способность вывести страну из кризиса.

Фазиль ИСКАНДЕР

На мой взгляд, идеальное государство — это такое государство, о существовании которого мы вспоминаем один раз в году при виде налогового уведомления.

Чем хуже государственное устройство, тем больше мы о нем думаем. Чем больше мы о нем думаем, тем меньше мы занимаемся своим делом. Чем меньше мы занимаемся своим делом, тем хуже государство. Есть ли выход из этой дурной бесконечности?

Иногда хочется огрызнуться словами поэта: «Подите прочь — какое дело поэту мирному до вас!»

Но тут всплывают слова Радищева: «Я взглянул окрест меня и душа моя страданиями человечества уязвлена стала». Хочется крикнуть: «А ты не оглядывайся!» Но, видно, нельзя не оглянуться, не получается.

Иногда думается, как и сто лет назад: может, наша страна слишком огромна и от того наши беды? Может, благополучие народа зависит от количества разума на единицу государственной площади?

Озираюсь на русскую литературу девятнадцатого века, видишь не только великих художников, но и политических борцов, иногда создателей государства в государстве.

Взаимозаконность писателя и власти удивительна. Начиная с Пушкина, власть не сводит глаз с писателя, но и писатель не сводит глаз с властей.

За свободолюбивые юношеские стихи Александр Пушкин был сослан в Бессарабию Александром Первым. В бурной душе молодого Пушкина, кажется, должны были прозвучать такие слова: «Не ты, а я царь! И я это тебе докажу!»

И доказал. Все творчество Пушкина можно рассматривать как особый вид доказательства: власть души выше власти силы. Настойчивые, сладострастные вослания Петра Великого отчасти намекают на ничтожность, плюговость современных ему царей.

Медный всадник, скачущий по мостовым Петербурга, кажется, призван пугать не только Евгения, но и обитателей Зимнего дворца. Во всяком случае Николай запретил печатать «Медного всадника». А случась ли Гришка Отрепьев, Пугачев в заячем тулупчике с барского плеча? Так, пожимают, чтобы цари не забывались.

Сама возможность двойничества, самозванства вносит оскорбительную сомнительность в абсолютную власть царей. Пушкин как бы говорит: «Меня, Пушкина, заменить нельзя. А вас можно».

В какие бы дали свободного романа ни уносился Пушкин, он не забывал своих соперников по трону духа, своих гонителей и обидчиков. В итоговом «Памятнике» не случайно:

Вознесся выше он главою непокорной
Александровского столпа.

Еще доклатывает страсть уходящей жизни: главою непокорной. Но последняя обрывистая строка овеяна не только гордостью, но если вслушаться, можно уловить в ней и призыв грусти: а стоило ли состязаться? И не доясняет ли причину этой тайной грусти концовка «Памятника»:

И не оспаривай глупца.
Однако спор продолжается. Рыком раненого льва встретит Лермонтов смерть Пушкина и примет опалу, как эстафету. Через много лет из Ясной Поляны бывший артиллерийский офицер Лев Толстой несколькими тяжелыми снарядами обрушит последний бастион николаевской эпохи. У него будет свой счет, но это и мсть за Пушкина.

Вот кто действительно победил всех царей, императоров и президентов. Вот он стоит, с рукой, засунутой за пояс, и смотрит на нас прямым, немигающим взглядом. Мужичкий царь! Гордыня правоты! В неслышной ясности слога — бес-

пощадное понимание хронической тупости человечества! Ясности, полной ясности! Чтобы ни один человек потом не сказал: «Я это не так понял».

Знает ли он, что и через сто лет ни один серьезный писатель планеты, засев за книгу, не сможет не учитывать могучую магнитную аномалию Ясной Поляны?

Что ему Петр Первый, что Наполеон? Убийца не может быть великим, он может быть только мерзавцем. И он спорит с царями в творчестве и в жизни. Русским царям хватило ума не посадить его в тюрьму, чего он жаждал, и не хватило подлости устроить что-нибудь вроде случая на охоте.

Да и что ему цари, когда он один с каменным топором логики в руках уже пытается остановить громящие обозы мировой цивилизации. Думаю, не потому, что был против нее вообще, а потому, что звериным чутьем угадывал ее опасную неподготовленность.

Не представляю Толстого, живущего на земле во время безумия первой мировой войны. Хочется думать, что организаторы войны так и не решились начать при нем.

Но вот он умер, и все рухнуло. Говорят, последними его словами были: «Не понимаю...» На языке этой жизни он хотел понять если не ту жизнь, то хотя бы смысл смерти. Вся жизнь от жизни требовавший ясности, он и от смерти требовал ее. Но не дождался и честно передал это людям: «Не понимаю».

Из всех больших русских поэтов послереволюционной России Маяковский первым прервал великую традицию спора с царями. Дело, конечно, не в том, что спорить с вождями революции стало куда опаснее, чем спорить с царями. Если б это было так, обязательно в стихах кое-что осталось бы. Вдохновение озаряет душу поэта моментальными снимками и обнажает то, что сам поэт может и не замечать.

Маяковскому от природы было дано сознание большого трагического поэта. Сознание это оказалось для него непосильной ношей. Все его дореволюционное творчество — боль, ярость, ненависть.

Как бешеный бык с налитыми кровью глазами, он кружился по дореволюционным аренам России. Ему было очень плохо. В стихах постоянные угрозы самоубийства.

Кстати, насколько я помню, из больших наших поэтов только Маяковский, Есенин и Цветаева писали о самоубийстве и все трое закончили с собой. Не знаю, пророчество ли это или страшная реальность их жизни: кто часто зависал над пропастью, один раз мог и сорваться. Все-таки я предостерег бы поэтов писать на эту тему.

Маяковский об этом писал чаще всех. Он ждал, что должна случиться какая-то внешняя катастрофа, которая избавит его от внутренней.

При гипертрофированности его поэтического сознания он вполне мог чувствовать себя сейсмическим аппаратом, предсказывающим близость этой катастрофы. Если бы он жил в Японии, вероятно, он предсказывал бы неслыханное землетрясение. Но где взять землетрясение в долининной России, и он предсказывал революцию.

И вдруг революция свершилась. Как человек, на котором горит одежда, бросается в реку, он бросился в революцию. Содрал с себя горящую одежду трагического сознания и как будто выздоровел и влюбился в Ленина. Так пациент психиатра может влюбиться в своего врача, избавившего его от великой боли.

Тогда понятно, почему футурист Маяковский, сбрасывая свои предшественников с парохода современности, как пьяный со стола бутылки, не мог вступать в спор с Лениным.

ПОЭТЫ И ЦАРИ

Рисунок Михаила ЗЛАТКОВСКОГО.

Ленин сделал революцию. Революция избавила Маяковского от боли. Завтра она весь мир избавит от боли. Если мир этого сегодня не чувствует, то только потому, что он не может быть таким чутким, как поэт.

Бунтарь притих. Отныне все измеряется революцией.

Тот ли это гордый, трагический юноша, обещающий повести за собой Наполеона, как молса? Сидит себе и вяжет чулок, как в хорошем сумасшедшем доме. Его меланхолическое указание на то, что это он вяжет чулки для санкюлотов, ничего не проясняет, усугубляет наши познания.

И, конечно, пишет стихи о Ленине. После смерти Ленина создает о нем поэму. Странно, что при всей искренности его любви к Ленину у него ничего не получается. Такое впечатление, что ему не за что уцепиться. Получается голая риторика. Он никак не может связать Ленина со свойственным собственной природе трагическим сознанием. Он сам от этого сознания отгородился и сам через Ленина пытался создать оптимистическую поэзию. Видно, тут концы с концами не сходятся, и Ленин получается у него слишком плакатным.

Интересно, что Пастернак в «Высокой болезни» с одной попыткой берет вес и талантливо рисует портрет Ленина, разумеется, в духе времени сильно идеализированный:

Он управлял теченьем мыслей
И только потому — страной.

Это, конечно, упрек вождям, которые пришли после Ленина. Здесь Пастернак идет вслед за Пушкиным. Так Пушкин кивает на Петра.

На действительно ли он управлял теченьем мыслей? Я хочу понять этого человека. Я листаю его статьи, вчитываюсь в них, стараюсь уяснить, что стоит за этой многообразной ненавистью и однообразной скукой. И вновь убеждаюсь, что ничего не стоит, кроме самой ненависти и скуки. Повсюду я чувствую энергию бодящего ума, но нигде не проникаю красотой глубокой мысли, потому что такой нет. Да и не может быть, строго говоря.

Пафос Ленина — не истина, а цель, понятая, как истина. При таком психическом складе все, что тормозит движение к цели, отбрасывается с величайшим презрением. Сомнения, остановки, раздумья порождают глубокую мысль. Но я

ни разу не встретил в его статьях и письмах сомнения.

Мысли, афоризмы, точные наблюдения над человеческой природой, высказанные великими историческими деятелями, остаются с нами независимо от нашего отношения к этому деятелю. Я ни разу не слышал, чтобы люди, связанные с культурой, перебрывались ленинскими афоризмами.

Но ведь Ленин победил? Да, но это не было победой разума, это была победа над разумом. В мире побеждает то страсть, то разум. Так было всегда. Страсть — вторая логика. Вера в чудо порождает реальное чудо: чудо напора. У Ленина хватило страсти победить разум, но не хватило ума понять это.

Предмет его постоянной, глобальной ненависти — три кита мирового духа: религия, мораль, культура. Но это и есть разум человечества. Ленинский хищный, пристальный рационализм не должен вызывать сомнения в том, что он борется именно с разумом.

Знаменитое: «И кухарка будет управлять государством!» — это не ложный гимн народолюбию, а злорадное выражение возмездия разуму. Изгнание философов из России — это тоже по-своему честное стремление провести эксперимент в чистом виде: отныне Россия обойдется без разума. И словно доводя идею борьбы с разумом до абсолюта, он сам лишается его вследствие апоплексического удара. И теперь победившая революция пьет, закусывая собственными мозгами.

Великий садовник революции как учил? Надо начинать трясти ту капиталистическую яблоню, на которой созрели яблоки. Ленин, не отрицая теории великого садовника, развил ее: яблоню можно трясти и до того, как созреют яблоки, если яблоня поддается тряске. Некогда! Яблоки и на пачке дозреют. С этой теорией он и пошел на штурм России.

Эх, яблочко, куда ты катишься?

Если в одной руке теория, а в другой маузер, оказывается, все получается по теории. Впоследствии кто-то из большевиков, возможно, из гуманных соображений, чтобы не пускать в ход маузер, отбросил теорию, дабы освободившейся рукой дать подзатыльник, а не нажать спусковой крючок, сделал невероятное открытие. Оказывается, если в одной руке маузер, и без теории все получается, как по теории. Дальше так и пошло. Сама ис-

правность работы маузера стала универсальным доказательством правильности теории.

Запад в результате революций и реформ утвердил в Европе равенство сословий. В России реформы запаздывали. Именно потому, что они запаздывали, наиболее совестливая часть общества не только говорила о своей вине перед народом, но и всячески утверждала мысль, что народ выше интеллигенции. Недоданное социальное восходило поэтически.

Когда этим занимаются такие люди, как Тургенев, Толстой, Достоевский, общественное мнение становится делом национальным. Гегель выдает за коренное свойство нар такие черты, которые ему менее всего присущи, но более всего необходимы.

Разумеется, эти черты он не выдумывает, он их берет из жизни народа, но с огромной ностальгической силой преувеличивает. Глубина и тонкость русской литературы была реакцией на грубость и отсталость российской жизни. Кстати, великая немецкая музыка и философия не есть ли такой же ответ на приземленность бюргерской Германии?

Гораздо позже этот культ народа среди многих причин облегчил победу Октября. Люмпен, потрошитель интеллигенции, в известной мере был ею же подготовлен. От нее он узнал, что он всегда прав.

Но так или иначе, случилось грандиозное событие — революция. Верх ушел вниз, а низы стали подниматься и потому правильную сторону.

Маяковский, засучив рукава, начинает создавать миф о революции и революционном государстве. Одновременно это и курс лечения от трагического сознания. Гегелю, чтобы избавиться от высотобоязни, заставлял себя почаще подниматься на высокие башни. Маяковский, чтобы избавиться от патологической брезгливости, упорно роется в мусорной яме новой жизни. Правда, только в стихах.

Родина заброшена в будущее. Все плывут. В этом будущем с государством не спорят. Поэты вместе с вождями закаляют души солдат для мировой революции. Скоро, скоро начнется всемирный заплыв. Где ты, Мао, где ты, Янцзы? О чем спорить?

Все равны. Все взаимозаменяемы.

Стиль художника — ответ на все вопросы, которые ставит перед ним жизнь. Никакого другого ответа у художника нет, даже если он сам по человеческой слабости к этому стремится. Стиль художника — окончательная и бесповоротная победа разума над хаосом действительности.

Я думаю, что стиль «Мертвых душ» Гоголя уже заключал в себе идею второй части «Мертвых душ», то есть победу над глупостью. И никакой необходимости во второй части не было. Пафос служения добру превзошел возможность стилиа, и Гоголь от этого погиб. Пушкин это знал, даже не задумываясь. Уверен, если бы он был жив, он одной улыбочкой пригасил бы пафос Гоголя и спас его. Но Пушкина уже не было.

Стиль — дело крестьянское. То есть идея окультуренного, огороженного цветения. Стиль — дальше нельзя. Хочешь дальше? Освой, обработай кусок целины — и настолько же иди дальше. Толстой пал, чтобы соответствовать своему стилю, уточняя глубиной пахоты нажим пера.

Стиль — лучше лежать в своей могиле, чем кувыряться в мировом пространстве. Стиль — укорененность. Поэтому стиль — враг всякой революции.

Достоевский — самый неукорененный из русских писателей. По логике он, вероятно, должен был стать самым революционным нашим писателем. Так он и начинал. И вдруг — арест петрашевцев. Эшафот. Ожидание казни, которую в последний момент карнавалом отменил Николай. Не отсюда ли карнавалный стиль великих романов Достоевского?

О чем думал Достоевский в ожидании казни? Все гениальные мысли просты. Там, на эшафоте, за какие-то минуты до смерти его, вероятно, поразила мысль о бессмыслице эшафота. Неудачная революция, хотя в данном случае ее не было, приводит людей к эшафоту. Но удачная революция приводит к эшафоту тех, кого свергает она. И человек всей потрясенной душой перед смертью вдруг почувствовал несоизмеримость цели и платы для обеих сторон. Эшафот — тупик. Значит, и революционный путь — тупик.

Где же выход? Так мы стоим на одном месте и тысячи лет. Ну и стоим. Слава Богу, солнце светит, ветер шумит в листья, дети смеются. Жизнь продолжается. Раз человеку дана жизнь, ответ должен быть в самой жизни. Иначе она не была бы дана.

Нетерпение в отношении к жизни в ожидании ответа есть форма неуважения к самой жизни. Но если ты самую жизнь не уважаешь, как ты ради этой жизни идешь на эшафот или тем более отправляешь другого?

Жизнь не может сама себя приводить к эшафоту. Значит, это путь в сторону от жизни. Если взрослый человек за свои грехи может быть казнен, значит, и ребенок может быть казнен. Казнь ребенка за грехи? Чудовищная бессмыслица.

Вы скажете, что у ребенка нет таких грехов, чтобы его казнили? Но это арифметика. Извольте. У ребенка маленькие грехи, так его и лишают маленькой еще жизни. Степень оправданности топора не может определяться степенью нежности шеи. Нежность шеи должна отрезвлять наше опьяненное возмездие сознанием и привести к неизбежной мысли, что всякая шея слишком нежна для топора.

Мне кажется, там, на эшафоте, как на последней странице задачника жизни, Достоевский увидел страшную ошибку любого революционного ответа. И если даже больше никогда в жизни он силой вдохновения не подымался до этой высоты, зарубка осталась. Он по памяти восстанавливал эту высоту.

В сущности, все его великие романы — это романы покаяния от соблазна революции. Можно предположить, что без потрясения эшафотом они были бы с обратным знаком. Например, вместо «Преступления и наказания» — «Мнимое преступление Раскольникова». Вместо «Бесов» — «Кровавые ангелы».

Революция требует не только достаточного количества неукорененных людей, и они в России уже были: революционная интеллигенция,

дезертиры, городской и сельский люмпен. Она требует и полусочувствия ей со стороны значительной части народа, которая про себя рассуждала примерно так: менять все, вероятно, надо, но менять, вероятно, должны другие люди... Но за отсутствием других меняют те, кто хочет менять.

Революция может быть удачной и неудачной. Это случайность. Но в обоих случаях неслучайна критическая масса риска. И при удачной революции критическая масса риска может быть сравнительно небольшой. Но она бывает достаточной и чувствует себя достаточной, когда среди остального населения нет критической массы людей, готовых решительно защищаться. Думаю, поэтому революция в России победила.

После революции, как ни осложнялись судьбы поэтов, спор с царями продолжается. Ахматова, Цветаева, Булгаков, Есенин, Мандельштам, Платонов — каждый по своему взрывается несогласием. Чтобы легализовать это несогласие, часто меняются имена и страны. Мандельштам пишет:

В Европе холодно. В Италии темно.

Власть отвратительна, как руки брадобрея.

Вспомним строчку его же стихов о Сталине:

Его толстые пальцы, как черви, жирны.

Сравниваем рисунки и убеждаемся, что эти толстые пальцы принадлежат рукам вышеуказанного брадобрея. И с полным основанием возвращаем его из Европы на его историческую Родину.

Страшной силы образ: Власть отвратительна, как руки брадобрея.

В одной руке бритва, другой лапает тебя за лицо. Дело не только в том, что может полоснуть. Дело в какой-то неприличной неопределенности положения клиента власти и клиента брадобрея. И тот, и другой как бы в силу профессии имеют право вторгаться в твоё существование и лапать безусловно твою вещь — твоё лицо. И непонятно, на какой стадии лапанья уже можно, но еще безопасно протестовать. Или раз уж ты в кресле — поздно протестовать?

К тому же вспоминаешь, что это жест уголовного. Так, взяв человека за лицо, уголовник обозначает над ним свою презрительную власть. Выходит, власть (сталинская, разумеется) — это помесь парикмахера с уголовником. Время обрабатывает наше лицо дирижерской палочкой бритвы. Сверкающая палочка так и летает.

Как невероятно за сто лет изменился образ власти и ее жертвы! Пушкинский Евгений бежит по ночному Петербургу от Медного всадника. Хотя и обречен, но все-таки действует. Картина страшна, но не лишена величия.

А тут жертва молча сидит в парикмахерском кресле. И веет жутью от ее безмолвного согласия. А для наблюдателя, не понимающего, что происходит, — это интересный социальный эксперимент. Обе стороны добровольно на него согласились. И это, пожалуй, страшнее всего.

Сравнительно легкое наказание Мандельштама за стихи о Сталине — ссылка в Чердынь, на мой взгляд, объясняется прежде всего и главным образом тем, что стихи эти Сталину понравились.

Такое мнение только кажется парадоксальным. Ужас перед обликом тирана, нарисованный поэтом, как бы скрывает от нас более глубокий, подсознательный смысл стихотворения: Сталин — неодолимая сила. Сам Сталин, естественно, необычайно чуткий к вопросу о прочности своей власти, именно это почувствовал в первую очередь. Стихотворение выражало ужас и недолимую силу Сталина. Именно это он внушал и хотел внушить стране. Стихотворение доказывало, что цель достигается и это приятно, но...

Отсюда, я думаю, резолюция: изолировать, но сохранить. Сравнительно мирная первая ссылка. Думаю, позже он о нем вообще забыл, тем более что цель была достигнута полностью. Страна после тридцать

седьмого года оцепенела даже с избытком. Чтобы слегка растормозить ее, пришлось некоторое количество осужденных выпустить и, наоборот, расстрелять Ежова.

Дальнейшие годы Мандельштама до гибели в лагере: судороги страха, неуклюжие попытки сдаться на милость, взрывы гордыни, нежность, проклятия, безумие. Вот из воронешской тетради:

И в яму, в бородавчатую темь,
Скольжу к обледенелой

водокачке.
И спотыкаясь мертвый воздух ем,
И разлетаются грачи в горячке.

В стихах что-то от безумных пейзажей Ван Гога. Но безумие Ван Гога — это личная драма. Безумие Мандельштама — дело рук, тех самых рук брадобрея.

Протест Ахматовой, можно сказать, добрался до филологических корней. Если стиль ее рассматривать вне контекста эпохи, вне ее духовного пафоса, может показаться недостаточно гибкой ее ложноклассическая окаменелость. Так оно и есть в самом деле. Но ее леденящая, даже вне политических стихов, стилистическая застылость молча кричит: «Вас нет! Я продолжаю пушкинскую эпоху».

В стихах «Поэты» Александр Блок выразил вечное, классическое отношение поэта к действительности.

Ты будешь доволен собой и женой,
Своей конституцией куцей,
А вот у поэта — всемирный

запой,
И мало ему конституций!

Блок здесь, конечно, смеется над обывателем, но гений его ухватил нечто гораздо более важное и глубокое. Первые две строчки — программа государства. Вторые две строчки — программа поэта.

Государство должно стремиться к тому, чтобы среди его граждан было как можно больше людей, довольных собой, и женой, и своей конституцией, даже пусть куцей. А поэт должен стремиться к всемирному запою, то есть к беспределу этических требований к миру.

Только в параллельности этих двух задач, в их жизненной неснятности — залог нормальной жизни народа. Только не сливаясь в жизни, задачи государства и поэта сливаются в духе.

Чем больше в народе людей, довольных собой и женой, тем сильнее поэту выражать свое несогласие с этим, и в высшем смысле его предназначение — в удерживании общества от самодовольства.

После революции в России все перевернулось. Поэты, ужаснувшись окружающему хаосу, стали призывать к государственной трезвости. Молодой Мандельштам:

Но жертвы не хотят слепые небеса:

Вернее труд и постоянство.

А вчерашние подпольщики, заморившие при виде полицейского, вдруг стали хозяевами всей страны. И они опьянели от власти и стали безумными поэтами власти. Психологически их можно понять: если получилось это, то есть захват власти, то почему же не получится все остальное?

В сущности, с определенной точки зрения, все призывы нашего государства к народу — это попытка превратить всех людей в поэтов. И угрозы, и поощрения сводились к этому. Если бы это было возможно, если бы народ, презрев хлеб насущный, мог бы жить, как настоящий поэт, энтузиазмом и вдохновением, вероятно, можно было бы и коммунизм построить.

Но такого народа никогда не было и не будет. У народа своя великая генетическая задача — улучшить условия своего самосохранения. Этот инстинкт в нашем народе серьезно поврежден, но я уверен, что выздоровление еще возможно. Тихому, буддистскому самоубийству народа на просторах России приходит конец. Даже его излишняя раздраженность — признак того, что он жив и хочет жить.

Но какой же поэтический, он же графоманский, размах в мечтаниях государства: мировая революция, сплошная коллективизация, электрификация, чекизация и уже в наши дни пьяная мечта — одним махом покончить с пьянством. Бешенство мечты.

Легко заподозрить, что такое восприятие мечты вызвано подсознательным страхом бессилия перед реальностью. Строитель, не умеющий построить курятник, объявляет, что он будет строить сказочный дворец, где будет место и курятнику. Таким образом, ответственность за конечный результат отодвигается в бесконечность.

В этих условиях лучшие наши писатели взяли на себя непосильное бремя отрезвления власти: от иронии над безмерным пафосом будущего до жалости к человеку, заданному государственным мечтой.

Власти на этот отрезвляющий голос отвечали в лучшем случае презрительным упреком в обывательской ограниченности (они же поэты), а в худшем известно как. Поющая диктатура обладала необыкновенным авторским самолюбием и была изрядно вспыльчива, особенно в молодости.

Сегодня обрушилась крыша над нашей головой, и некоторые удивляются, как она так легко обрушилась. Хотя достаточно гораздо большего удивления, что она так долго могла продержаться.

Никто не знает, что будет завтра. И оттого сегодня в народе неуверенность, злоба, раздражение, трясучка. Воздушные поделулы публицистов в сторону демократии слишком затянулись. Ситуация почти семейная. Сын хочет жениться на демократии, а мама-партия против: «Она плохая. Она торгует».

Сыну ничего не остается, как решить вопрос в явочном порядке и сказать родителям: «Мама, она беременна. Я как порядочный человек и сын порядочных родителей...»

Небольшое лукавство не помещает. Короче, Россия должна забеременеть демократией. И когда народ поймет, что это уже случилось, он успокоится. Одни успокоятся в ожидании лучших дней, другие в злорадном ожидании недоноска. Но и те, и другие успокоятся.

Демократия есть разделение власти. Власть над духом должна быть возвращена искусству. Псевдопоэтическая размашистость наших правителей всегда оборачивалась уходом от живой жизни, дезертирством в будущее.

Но представим и мы далекое будущее. Помечтаем, как учил Ленин. На проселочной дороге (в будущем это возможно) вдруг встречаются поэт и правитель. Их знакомят.

— А разве людьми еще правят? — удивляется поэт не то в шутку, не то всерьез.

— А разве стихи еще пишут? — удивляется правитель скорее всерьез, чем в шутку.

И они, улыбнувшись друг другу, расходятся. И поэт вдруг охватывает грусть. Он вспоминает родину ленинских и сталинских времен. И душу его обволакивает ностальгическая тоска. Конечно, было страшно. Но какая жизнь! Какие страсти! Как интересно писать стихи, рискуя жизнью! Какие письма получали поэты! В мире не может быть лучшего доказательства подлинности вдохновения, если его не останавливает даже страх смерти! За стихи убивали. Значит, тираны признавали поэтов своими соперниками? А как же закон о том, что поэт не отвечает за свои стихи, как за свои сновидения? Ах да! Тогда даже еще не было такого закона. Боже, Боже, как измучила меня жизнь! Как я ограблен!

Оставим поэта будущего. Пусть погрстит. Это его профессия. У нас впервые появился шанс, когда каждый в стране будет заниматься своим делом. И поэт, наконец, покинет государственный департамент оппозиции. Там он подписывал коллективные письма в защиту Акакия Акакиевича. Там он собирал вкладчину деньги на новую шинель, ибо старая в очередной раз сорвана с податливых плеч Акакия Акакиевича. Господа, сколько можно? А что если не защищать его, а помочь ему полюбить жизнь и тогда он сам защитит свою шинель?

Прощай, диктатура! Пусть каждый займется своим делом. Пусть поэт постарается продолжить поэзию с того места, где она остановилась. А где она остановилась? Как где?!

Мороз и солнце, день чудесный!

Вождь в свободное от революции время таскает бревно, поэт учит сограждан плевать в плевательницы, крестьяне то пошатут землю, то попишут стихи, начальник над всеми продуктами Цюрупа падает в голодном обмороке, из чего совершенно явно следует, что он не крадет продукты. А ведь мог.

Маяковский был более предан идеологии, чем сами творцы ее. Поистине трагическая преданность. Он любил Ленина, но любовь эта так и осталась без взаимности. В сущности, он раздражал Ленина: чит, выдумывает слова. Кость, ошпенную по поводу «Прозаседавшихся», трудно назвать признанием: мол, политически правильно, а поэтически — не знаю.

Кстати, отзыв Ленина об этом ихотворении очень напоминает отзыв Николая Первого о «Ревизоре». И там, и тут хозяин доволен работником. Хозяева разные, но расстояние до работника одинаковое.

В последующие годы лучший певец идеологии на подозрении у идеологических вождей: попутчик. Что это означает на языке тех лет? Не наш, но пока пусть шкандыбают.

Избыток его преданности раздражал. Он был и физически слишком большой, его было слишком много. Его избыточная преданность как бы извывала к ответной преданности и грозила скандалом. Он как бы умолял партийцев, уже привыкших к сытой жизни, во имя революции время от времени брякаться в голодном обмороке Цюрупы, а они, естественно, этого не хотели.

И скандал разразился. Он покончил с собой в год великого перелома. Видимо, понял, что дальше творить миф о революции нельзя. Игра проиграна. Платить нечем. Так в старой России уходили из жизни, проиграв то, чего проигрывать нельзя. Уходили из жизни, но спасали честь. Он, сравнивавший себя с одиноким влюбленным пароходом, остался один на тонущем корабле революции, когда команда вполне благополучно с женами, детьми, любовницами сошла на завоеванный берег.

Так закончилась попытка великого поэта придать поэзии мощь государственной воли, а государственной воле — видимость поэтической свободы.

У поэта и государства совершенно разные задачи, и решать их они должны, держась подальше друг от друга. Поэт может только мечтать, чтобы совершенство строки породило жажду совершенства мира.

Шахтеры стоят на своем,

но заметно и новое настроение: от ультиматумов — к референдуму

В центре Москвы рядом с памятником Юрию Долгорукому стоял картонный коробкой в руках Петр Афанасьевич Протченко — степенный человек пролетарских кровей. На этом пятячке голодной и суетной столицы монеты в коробку ложились негусто, зато допросам с пристрастием не было конца: «А докажи, что шахтер». Протченко привычно показывал мандат, выданный в Павлодаре стачкомом шахты имени Героев космоса, и объяснял: «Деньги пойдут бастующим. Два месяца живем без зарплат». Какая-то старушка, положив рубль, уронила слезу: «Только на вас, сынки, и надеюсь». Мужчина при галстукке громко кричал: «Бездельники! Развалили страну!» Но скандала не получалось...

Стачка перевалила критический рубеж, с ней свыклись даже ее противники. Аппаратные игры, посулы, истерия партийных газет оказались не в состоянии остановить рабочее движение, окрепшее за полтора года, а главное, осознавшее свою силу. В итоге на месте покинувших ряды бастующих шахтеров Тулы и Инты мы видим сегодня Брянский металлургический комбинат, заводы Усть-Каменогорска, Минска, Свердловска, Киева. Вместо раскола — консолидацию рабочих разных регионов и отраслей. В работе стачкомов все заметнее умение управлять шахтерской стихией: предотвращая остановку домен и коксовых батарей, шахтеры корректируют поставки угля металлургам. Ежедневное многих отечественных предприятий, однако в координационном штабе рабочих комитетов отлично знают, например, что только за март 120 тысяч тонн кокса было отправлено государством за рубеж. Предвидя долговую борьбу и, разумеется, не желая стране экономического паралича, московский штаб бастующих организовал комитет по жизнеобеспечению металлургических предприятий. Не странно ли, что этого до сих пор не сделали официальные структуры?

...Все большая часть общества начинает осознавать, что рабочее движение несет в себе зерно будущих и, вполне вероятно, скорых перемен. Хотя путь этот не представляется легким, обретения на нем напрямую связаны с потерями, и чего в итоге окажется больше, не рискуют предугадать даже специалисты Московского института международного рабочего движения. Их анализ, сделанный на нескольких предприятиях Москвы и Ленинграда, лишь подтверждает очевидное: за полтора десятка лет уровень образования, самосознания, политизации рабочих несравненно вырос, а поляризация отношений с администрацией достигла той черты, когда обе стороны попросту не в состоянии слышать друг друга. В условиях глубокого кризиса власти бастующие ощутили себя реальной силой, способной сломать хребет тоталитарной системе. Вполне вероятно, что это и есть, говоря привычным слогом, историческая миссия пролетариата 90-х годов.

Однако не обратится ли рабо-

чее движение в ту разрушающую силу, которая, победив, заявит о своем безраздельном праве на власть? Как ни парадоксально, но менее всего этого боятся главные оппоненты бастующих — партократия. Кое-кто из них, представьте, даже готов открыть ту заветную дверь. «Во исполнение решения рабочего комитета...» — с этого привычно начинают свои речи некоторые партийные руководители в шахтерских краях. А эмиссары ОФТ и Ленинградского инициативного съезда коммунистов России, приехав в Кузбасс, откровенно признались, что видят в бастующих шахтерах родственную душу, у них, мол, план: создать рабочкомы в городах, на предприятиях и в определенном моменте взять власть в свои руки, а в Кузбассе, дескать, уже все есть — структура готовая, авторитет у населения. В общем, речь о повторении 1917 года... Выпроводили гостей из стачкомов не очень любезно. Один из лидеров межрегионального совета бастующих кузбассовцев Вячеслав Голиков, рассказывая об этом, горячо уверял, что отвергает любую диктатуру. «Даже диктатуру любви», — сказал он, — от имени которой обязательно найдутся охотники кого-то казнить».

Думается, пока ожесточение не взяло верх, рабочее движение должно, не теряя своего лица, все больше входить в конструктивное русло. Оно, собственно, известно: перевод угольной промышленности под юрисдикцию союзных республик и создание авторитетной межпарламентской группы. Как показала состоявшаяся 18 апреля у Ивана Силаева встреча представителей шахтерских регионов РСФСР, бастующие прекрасно понимают, что российское правительство сегодня золотых гор не имеет, но оно готово развязать горнякам руки, дать им право самим выбрать форму хозяйствования на своем предприятии, распоряжаться значительной частью собственной продукции. И это их сегодня вполне устраивает. «Мы уйдем в Россию», — сказал мне один из участников этих переговоров, — и министерство Шадова перестанет существовать. То же могут сделать металлурги, химикаты и т. д., и центр лишится основы для экономического диктата, а реформа пойдет вглубь». Шахтеры надеются, что межпарламентская группа посредством созыва внеочередного съезда или как-то иначе сумеет вынести политические требования шахтеров на всенародный референдум, и тогда дело примет вполне конституционный оборот.

Итоги такого референдума, полагаю, угадать нетрудно. Не потому ли союзный парламент теперь обсуждает шахтерские проблемы при закрытых дверях и предлагает такой «выход»: запретить политические забастовки, поставив таким образом рабочее движение вне закона? Нетрудно понять: в нынешних условиях это может стать шагом к гражданской войне.

Виктор РАДЗИЕВСКИЙ.

Уже к началу лета рядовой потребитель по-настоящему ощутит величину новых цен и тарифов. А с начала осени нынешнее поколение советских людей уже будет жить при гиперинфляции.

Собственно, тут не прогноз, а констатация факта: отклонение (в несколько недель) может быть только со сроками...

Еще совсем недавно восклицали: не дай нам Бог скатиться к гонке зарплат и цен. Бог дал — уже скатились. И шахтеры, которым обещано удвоить зарплату к концу года (при условии, что они выйдут на работу больше, чем в прошлом году), почувствуют себя обманутыми задолго до этого конца. На МАЗе удвоили зарплату прямо на днях. Долго ли будут ждать на БелАЗе,

1991 год в 50 процентов. И у нас действительно будет 50-процентная инфляция, но не за год, а каждый месяц. Поближе к зиме это уже вполне реально. Утешает, что поляки, югославы, вьетнамцы, бразильцы имели это удовольствие еще в больших масштабах. Но кроме того, они имели начатки рынка или хотя бы волю к его созданию. Мы пока — ни того, ни другого. Хватило бы хоть воли признать уже неизбежное. Ибо жизнь в условиях гиперинфляции — особая жизнь.

Мы ведь действительно не знаем, как это — пересчитывать зарплату едва ли не каждую неделю. А вклады в сбербанк? А смена бирок в торговле? Сегодня она с трудом справилась с разовой переоценкой, а если это происходит постоянно —

«не замечают», а время тратят на политическую борьбу, оправдание экономических провалов и маневры словами. Правительство заявляет, что ни копейки не заберет в бюджет от реформы цен (зачем же ее вообще проводили?). Но тут нестати выступил бывший первый заместитель министра финансов, ныне ответственный сотрудник аппарата президента Владимир Пансков: «В расчетах бюджета текущего года за счет повышения розничных цен уже предусмотрено снизить бюджетный дефицит на несколько десятков миллиардов рублей...». Масса усилий приложена, чтобы свалить ответственность за повышение цен на местные власти. В результате Мосгорисполком подал в суд на Горбачева Ивана Ивановича, зампреда

...ПЛЮС ГИПЕРИНФЛЯЦИЯ ВСЕЙ СТРАНЫ

КамаЗе и Вазе? Удвоили ставки и оклады всем работникам солигорских шахт, без всяких «на-гора». И теперь это будет солью на раны всем работникам шахт ростовских, печорских и кузнецких. У кого есть деньги на собственном счету, возьмут с него, у кого нет — потребуют прибавки за казенный счет. Удвоенная зарплата, предусмотренная, судя по программе КПСС, к 2000 году, падет на страну в считанные месяцы, а следом еще раз падут только что припущенные ценники, уступив место новым.

Прорвало! И вряд ли кто-нибудь захочет сегодня встать на пути этого потока — не железного, а более мощного, бумажного. Ни президент Союза, ни будущий президент России, ни премьер СССР. Тут нужно иметь очень крупный запас народного доверия. Но один не имеют его вовсе, другие не захотят его терять. Поэтому, кстати, и новая антикризисная программа кабинета с ее якобы жесткой финансовой политикой едва ли не заранее обречена. О какой «жесткости» речь, если правительство народного доверия теперь лихорадочно смягчает свои свежесписанные решения: о компенсациях, о налогах, о ценах, о фонде потребления...

Заграница так и не постигла загадочную душу нашей экономики. Эксперты Международного валютного фонда и Всемирного банка предсказывали нам инфляцию на

что, магазины навсегда закроются на переучет? Что будет с системой кредита, банковскими операциями? Как быть с пособиями, пенсиями? Сегодняшние призывы: «Дашь индексацию доходов!» — во многом потеряют смысл. Мало того, что этот инструмент и сам по себе очень опасный и скользкий, легко провоцирующий дороговизну. При гиперинфляции же он усложняется до предела, никто ничего никому не успеет «компенсировать». И кстати: кто и как будет считать эту самую инфляцию? Если прежним методом «социалистического реализма», то мы доживем до митингов и голодовок протеста у дверей Госкомстата.

Времени до всего этого осталось очень и очень мало. И если оно будет использовано так же бездарно, как и тот период, который недавно еще оставался для попыток избежать гиперинфляции, реакция общества станет просто непредсказуемой. В принципе можно жить и при такой динамике цен и зарплат. Но только в принципе, ибо у нас даже простое назначение новых пенсий превращается для миллионов в многомесячный кошмар. Завалили и «предварительную» выплату компенсаций. «Уложиться в десятидневный срок — это было задумано слишком оптимистично!» — воскликнул задним числом глава Госбанка СССР Виктор Геращенко.

Благополучно доведя до гиперинфляции, теперь ее благополучно

Госкомцен, уверявшего население, что это сама столица установила высокие цены на проезд в пригородном транспорте и другие услуги.

Приближение гиперинфляции создало особый климат для обострения политической борьбы. Попытки начать «суд» над другим Горбачевым — Михаилом Сергеевичем — делают именно на инфляционной волне. Речь в данном случае отнюдь не о шахтерах: партработники высокого ранга открыли коллективный огонь прямой наводкой по своему генеральному секретарю. Кроме того, выяснилось, что политика партии и правительства — это не одно и то же. Бюро Московского горкома КПСС заявило «о своем решительном несогласии с осуществляемыми мерами по реформе розничных цен и подходами к социальной защите населения... Провозглашенная правительством политика компенсации себя не оправдывает», и поэтому необходимо «пересмотр антинародных решений». Любопытный разворот, особенно если учесть, что у лидера московских коммунистов и у главы правительства одни и те же советники (Кургинян и К°).

Можно ждать и других сюрпризов на почве высоких цен. Но первичны не они, а инфляция власти и здравого смысла. Гиперинфляция денег только плюс к этому.

Владимир ГУРЕВИЧ.

МИХАИЛ ЖВАНЕЦКИЙ

Я с огромным уважением отношусь к вам. Мы где-то устанавливаем новые законы физики, философии, экономики.

Мы здесь у себя в СССР все время меняем то, чего нет. Изменяем вид собственности. Какую экономику менять? Разве она есть? То, что мы производили, свозили, а оттуда нам распределяли и развозили обратно, нельзя назвать экономикой. И собственно-

Следите за руками

стью нельзя назвать то, что не принадлежит никому. Даже государству, которое хвастается, что ему все принадлежит. Вы же видели, во что превращается дом под охраной государства. Значит, собственности, которую мы меняем, — нет. Экономике — нет.

Коммунисты, собравшись по убеждениям... Какие это убеждения? И у кого они есть? У членов партии?! Возможно, чтобы приобрести убеждения, надо стать членом партии. Но какие это убеждения? Что можно построить коммунизм? Этих убеждений ни у кого нет. Есть уверенность, что убеждения есть. Некоторые члены партии в этом убеждены. Это и есть их убеждения и взгляды. А сказать о том, что они стремятся построить коммунизм, накормить, одеть кого-то, — невозможно.

Значит, мы меняем убеждения, которых нет. Мы меняем пустоту. Мы пытаемся изменить пустоту так, чтобы что-то появилось. Это интересный эксперимент. Но чтоб что-то появилось, надо чтоб кто-то что-то сделал. А он не хочет делать, пока что-то не изменится. Так что период, когда мы меняли, ничего не меняя, сменился теперешним, когда мы меняем то, чего нет. До тех пор, пока что-то не произойдет. Причем меняем очень осторожно, с волнениями и опасениями. Накрываем кастрюлей, шепчем, руками водим, ругаемся до драки, открываем — там опять ничего нет...

А уверенные говорят: давай опять накрывай, что-то должно появиться.

Лев КАРПИНСКИЙ

ПРЫЖОК С РАЗБЕГОМ В ОБРАТНУЮ СТОРОНУ,

или Опыт исследования победоносного
наступления средств
против целей

ПЕРЕВЕРТЫШИ

Газета «Советская Россия» отреагировала на правительственное повышение розничных цен размышлениями доктора философии Эдуарда Володина, назвавшего свою статью «Уравнили в нищете». Как профессор и доктор наук, а также политический обозреватель газеты, он относится к категории высокооплачиваемых. Увидев, что все подорожало в раз, он горестно выворачивает карманы: «Это ж надо, прожить 30 лет, заработать седьму с лишиной, чтобы получить те деньги, которые после окончания МГУ полуассистентом в Магаданском пединституте».

Кто же, по его мнению, осуществил данную, как он выразился, «безнравственную операцию во имя рыночной экономики»? Вот послушайте: «Надеюсь, что своими бюджетными размышлениями я никого не оскорбил из защитников приватизации и предпринимательства, — пишет Володин. — Надеюсь, что авторы нашего ускоренного движения к рынку поняли, что они оскорбили меня и всех сидящих на окладе и твердой зарплате своей подачкой — компенсацией... Надеюсь и на то, что с повышением цен все трудом добывающие хлеб насущный поймут, что в общество приходит новый хозяин — хищный, наглый и абсолютно безнравственный. И он будет править бал в демократической России, где за продажу».

Так, о причинах и виновниках облегчения карманов трудящихся философия нам все объяснил. Правда, не уточнил, какое отношение к финансовому мероприятию правительства имеют «защитники приватизации и предпринимательства». Да и не смог бы, так как ни рынок, ни приватизация в этих поборках никак не замешаны, и совершены они все той же беспардонной администрацией тоталитарного государства. Но философ фактов знать не желает, зато знает, куда бросать камни: виноваты демократы. Их программа была похоронена президентом, но каким-то чудом действительным образом предопределила антинародную акцию правительства Павлова.

«Перевертыш» — в словаре Даля также «перекидыш», «оборотень», «опрокидень» — не только тот, кто сам вдруг предстает с изнанки, но и тот, кто вокруг себя все перекручивает («Ведьма перевертывает девку в сороку»). Связь вещей в мире получает «обратный ход», причины перемещаются в следствия, следствия — в причины.

Что у философа на языке, то у всей компании реакционеров на уме. А на уме у них некое **реваншистское** понятие **перестройки**. Заметим, этим занялись те же самые люди, которые яростно протестуют против поношения предыдущих «завоеваний социализма». На последнем пленуме ЦК КП РСФСР Иван Полозков обрушился на «ошибочное» начало перестройки. По его мнению, она должна была начинаться с экономики, но никак не с политики. Но о какой экономике может идти речь без новой правовой базы, в работающей на основе представителю демократии? Лишь о констатации прежней.

Для чего же весь этот абсурд? Не являются ли подобные схемы-перевертыши, конструкции-оборотни не просто сотрясанием воздуха, а некоей идеологической проекцией реальных намерений? **Перевернутая картина положения вещей мо-**

жет служить прологом к «перевертышам» реального порядка вещей.

В КАНДАЛАХ МЕЖДУ ПРОШЛЫМ И БУДУЩИМ

Пока страна на фоне бесконечного маневрирования политического центра бесполезно мялась перед входом в реформы, ее настиг жесточайший кризис. Проблема выхода из кризиса, понятно, переместилась в фокус общественных хлопот, как бы заслонив собою все прочие. В распятом состоянии общество находится дальше не может, его необходимо срочно собрать в некоторое жизнеспособное целое. И как же быть? Вспять, в духе элементарной реставрации, не получится именно из-за необратимости уже достигнутых перемен. Вперед «медленным шагом, тихим зигзагом» не выйдет, поскольку эти перемены еще слишком слабы, чтобы выйти на «перевал» и, следовательно, обрести достаточные импульсы для дальнейшего саморазвития.

Элементарная реставрация исключена не потому, что народ не склонен к старому. Иной «народ» как раз склонен. (Володин о временах, когда он работал в Магаданском пединституте: «В то время в Магадане и в стране все было, и рубль отоваривался»). Основную причину невольно раскрыл Горбачев на последнем заседании Совета федерации, когда пугал присутствующих распадом государственности. Да, распадается государственность тоталитарной системы, и это закономерно. Административно-командная государственность покидает экономическую сферу, она уже не тождественна напрямую вмешательству в рабочий поток. А скажем, сфера культуры вообще стремится обойтись без аппаратного управления. Таким образом, «сжатие» государственности — объективный процесс. Пусть теперь кто-нибудь попробует воспроизвести систему в приемлемом виде без провокации самых жестоких распри, без драконовских мер.

В то же время тоталитарная структура не только разлагается, но и успевает внутренне эволюционировать. Вот что замечает один из пионеров отечественного предпринимательства, председатель правления межрегионального кооперативного банка «Континент» Леонид Онушко: «Покажу вам, как мимикрирует система, на примере банковской структуры. В стране сейчас около тысячи банков новой формации, из них около 200 — кооперативные. Остальные — коммерческие, в которых ведущую роль занимают банки ведомственные. Это очень мощные банки, у «Автобанка», например, уставной фонд 200 миллионов рублей. Капиталы всех предприятий автомобилестроения туда посажены плотно. Благодаря этому банку министерство хоть завтра может назваться концерном или чем угодно. Оно будет командовать всей отраслью через свою финансовую систему».

Теперь о перспективе «медленным шагом, тихим зигзагом». Распространенная точка зрения: общество, народ и правительство не готовы к проведению радикальных реформ. Общество всегда в какой-то мере «не готово» и поэтому вынуждено время от времени глотать горькие пилюли. Большинство экономистов считает, что в наших условиях реформы не могут проводиться в эволюционном режиме. Последний предполагает длительное сосуществование двух антагонистических структур хозяйствования — частной и государственной.

Но при таком сосуществовании неизбежна жесточайшая борьба: 1) за ограниченные природные, производственные и трудовые ресурсы; 2) за социальное пространство преобладания взаимоисключающих типов владения — вещно-денежного и функционально-распорядительного; 3) за овладение государственным аппаратом власти и воздействие на общественное сознание через свою систему ценностей. Когда частный сектор начнет естественно переигрывать государственный, госсектор будет всеми способами, включая неправомерные, вытеснять из жизни частника. Иными словами, **в любую сторону на собственной основе такое общество, какое мы имеем сегодня, неформируемо.**

РИСК КАНАТОХОДЦА

В сущности, весь последний период спор идет вокруг двух альтернативных формул. Первая: решительно выйти из кризиса, чтобы войти в рынок. Вторая: решительно войти в рынок, чтобы выйти из кризиса. Президент пытается примирить обе формулы. Он многократно повторял: курс на рынок остается прежним, его реализация требует главным образом административных усилий. Но это означает стремление действовать сразу в двух враждебных друг другу системах измерения, двигаться одновременно в противоположных направлениях. Вот уже несколько лет президент старается совершить прыжок с разбега в обратную сторону.

То, что руководители минского стачкома справедливо назвали «апрельским ограблением народа», что даже пленум ЦК компартии Украины расценил, в сущности, как обман населения, президент с подачи премьеря упорно называет реформой ценообразования. Помилуйте, какая «реформа» и при чем тут «ценообразование»? У нас что — изменились принципы формирования цен? Рынка нет, а рыночная реформа цен уже есть? Никакая это не реформа цен, тем более ценообразования. Наоборот, откровенная консервация и бесцеремонное использование традиционного бюрократического произвола в политике цен.

Одно дело — непопулярные меры популярного правительства, совсем другое — непопулярные меры непопулярного правительства. Но издевательские меры, проводимые ненавистным правительством, — это особый случай.

Серьезные люди в серьезных газетах призывают: «Не мешайте антикризисным мерам президента, не подорывайте в них веру населения!» Но союзную антикризисную программу еще предстоит обсудить и осмыслить в Верховном Совете СССР. Зато имеются уроки чуть ли не трех программ правительства Рыжкова — Абалкина. Программ именно консервативных, а не реформистских. Есть также урок погребения центром проекта Шаталина — влиевского. Обшая административно-карательная философия хозяйственных указов президента тоже очевидна. Уроки не позволяют сомневаться: под видом спасения общества спасать будут главным образом систему.

Более того, сомнителен в принципе смысл общесоюзной антикризисной программы. Есть республиканские программы, и почему президент полагает, что этого мало? Если союзная программа станет простой сводкой республиканских, то вряд ли овчинка стоит выделки. Если же она

задумана как их замещение, что похоже на правду, то надо ждать усиления «войны законов». Все время терзает вопрос: стремится ли центр к союзу государств или к сверхгосударству, стоящему над республиками и олицетворяющему федерацию своим особым аппаратом? Почему, например, «крупные социальные программы» должны выполняться исключительно как общесоюзные? Финансировать фундаментальные науки и культуру, даже базовые отрасли промышленности тоже вполне способны республики, разумеется, при наличии собственных средств. А уж содержать свои правоохранительные органы и госбезопасность, контролируя эти ведомства, республикам как суверенным государствам, что называется, сам Бог велел. Под их же началом должны быть налоговая и банковская системы, стабилизационный и пенсионный фонды, о которых президент мечтает почему-то лишь как о централизованных.

Кому-то выгодно реализовать антикризисные меры как нечто отдельное от глобальных задач преобразования системы, с решением которых, дескать, можно и подождать («Не до этого нынче!»). А пока, не мудрствуя лукаво, напрочь отатки аппаратно-административных сил, еще способных закрутить гайки.

Расчет «охранителей», отсекающих выход из кризиса от входа в рынок, прост и не так уж глуп. Они хорошо знают (или чувствуют инстинктивно), что средства важнее целей: пока цели только воодушевляют, средства уже действуют. В то время как целям еще только предстоит, если удастся, овладеть массами и стать материальной силой, средства, образуя собственной структурой с занятым в ней человеческим аппаратом, уже такой силой являются. Не раз история показывала, как цели покорялись средствам, а средства, возникнув, «захватывали» и подменяли собой цели. И сегодня шаг, который президент делает вперед к заявленной цели, обычно декларативен, а два шага назад к «испытанным» средствам, как правило, реальны.

Впрочем, по существу, вся наша послеоктябрьская история замешана на превращении государства из инструмента преобразований в самоцель. Не собираются ли силы, все еще представляющие этот трагический опыт и живущие на его счет, использовать его вновь, но как обманцовый?

Стоило бы удивиться, если бы подобная попытка не предпринималась: ведь средства в виде заботливо и прозорливо сохраненных административно-бюрократических структур опять тут как тут. Не зря же глава кабинета Валентин Павлов так старательно уберегал в новом правительстве образ и начинку старого. Не зря ставка опять делается на иерархическое подчинение по вертикали взамен заинтересованного партнерства, давно принятого в мировой практике управления. И надо сказать, момент для победоносного наступления средств против целей выбран самый подходящий: вслед за режимом разлагается общество, и есть повод набросить на него ржавые аппаратные «скрепы». Идеальная для этого форма — антикризисная программа, взятая в рамки чрезвычайщины, **отрубленная** от реформ и, следовательно, подпитывающая силу и структуры антиреформ.

ХАОС ДЛЯ ДЕМОКРАТОВ

Наблюдая политику, которую можно уложить в газетную рубрику

«Нарочно не придумаешь», невольно приходишь к мысли: а может быть, она придумана именно нарочно? Лица, облеченные властью, действуют столь грубо и безответственно, что создается впечатление: они специально раздражают народ, растравляют его.

Не обязательно планомерно сеять хаос, достаточно блокировать рост таких защитных сил общества, как самоорганизующаяся рыночная структура и система институтов демократии. С точки зрения реакции, перестройчный процесс должен быть решительно остановлен как раз тогда, когда он, с точки зрения исторических потребностей страны, подошел к необходимости решительно начаться. Тогда внутри общей реваншистской схемы появляется опосредствующее звено: цель — чрезвычайное положение, средство (и повод) — хаос. Лишь бы успеть настолько дискредитировать демократию в глазах народа, чтобы при взрыве его гнев обрушился именно на демократов и, таким образом, против них же, «выражая волю трудящихся», можно было направить чрезвычайные меры. По этой схеме и действует первый секретарь ЦК компартии Белоруссии Малофеев, объясняя массовые выступления населения республики (по поводу «ценового шока») подстрекательством «кучки экстремистов и смутьянов, рвущихся к власти». И тезис Полозкова о «востребованной хаосом диктатуре» представляется тоже хорошо обдуманым. (Полозков тоже вывертывает реальную взаимосвязь явлений наизнанку. Диктатура, как правило, возникает не из хаоса, а устанавливается правящей группировкой с целью расправы с демократией. А хаос, напротив, развивается в результате подавления возможностей демократической самоорганизации масс, когда демос превращается в охлок). Наконец, совсем не верится, что газета «Правда» без особого умысла основала жанр статей — донос на демократических деятелей.

ЧТО ЕСТЬ АНТИКРИЗИСНАЯ ПРОГРАММА?

Природа современного кризиса в том, что, проваливаясь в небытие, силы тоталитарного строя «утягивают» с собой и общество. Это не кризис прилавка или производства. Это даже не кризис власти. Все подобные частные определения искажают действительность. Налицо общий кризис нашего общественного и государственного строя в целом.

Способ выхода из кризиса должен диктоваться сутью самого кризиса. Никакой иной антикризисной программы, кроме решительного слома самой тоталитарной системы, сегодня нет и быть не может. Представляется, что момент назрел, а завтра может перезреть и явиться в облике диктатуры.

Идеологи все еще правящей партии с прежней устрашающей интонацией обвиняют представителей радикальной демократии в стремлении полностью изменить общественный и государственный строй. В таком намерении усматривается некий ужасный криминал. Но преступным оно остается разве только в воображении руководителей КПСС и инструкциях КГБ. С исторической и общеправовой точек зрения, криминальным, наоборот, является сам этот строй, и святая обязанность наших современников — полностью похоронить уродливый «выкидыш» мировой и отечественной цивилизации.

Рисунок Игоря СМЕРНОВА.

Недавно в Амстердаме прошел международный конгресс с труднопереводимым на русский язык названием «Глобал пэнел» — всемирное совещание по текущим мировым проблемам, в котором участвовали главы государств, бывшие ведущие политические деятели, представители деловых кругов из самых разных стран мира. От Советского Союза на форуме присутствовали Председатель Совета Министров Армении Вазген Манукян и народный депутат СССР и РСФСР Галина Старовойтова, которая передала обращение к конгрессу от Бориса Ельцина.

— Оценивая услышанное на

слишком много демократии и в Южной Корее, переживающей экономическое «чудо». Своеобразно понимание демократии и в Японии, что, впрочем, не помещало стране выдвинуться на роль второй сверхдержавы по своему влиянию в мире. Чувствовалось, что западные коллеги не видели жесткой связи между необходимостью слома старой административно-командной системы и перехода к рыночной экономике. С их точки зрения, эти вещи совместимы. Впрочем, неизвестно, в какой мере они понимают сущность нашего нынешнего хозяйственного механизма. Не исключая, что здесь они могли бы найти понима-

Кто бы ни правил, лишь бы платили долги

— с таким мнением пришлось столкнуться Галине Старовойтовой на одном из международных форумов

форуме «Глобал пэнел», могу сказать, что я уезжала с разочарованием. Может быть, лично для нас это был новый и в чем-то неожиданный опыт подхода деловых людей Запада к нашей ситуации. Как ни грустно констатировать, этот подход чрезвычайно прагматичен. Я говорила, что в таких странах, как Чехословакия, Болгария, Советский Союз, к власти приходит совершенно новое поколение политиков-непрофессионалов, которые говорят правду своему народу, истосковавшемуся по нравственности в политике. И в этом, по моему, заключается сила новой генерации руководителей, но это, конечно, нарушает привычные для Запада каноны.

На форуме нам напомнили, что борьба за ценности демократии, с точки зрения деловых людей, иногда выглядит наивной. Потому что главное, что их интересует, — это стабильность. Прежде всего это касается инвестиций, для которых в СССР не создано никаких условий. Многие изучают эти условия, но возвращаются разочарованными, испытывая чувство неуверенности. И они не могут понять, кто будет возвращать кредиты... взятые Президентом СССР.

Нам также было сказано, что модель, которая существовала при Пиночете, создавала весьма эффективные условия для развития экономики, равно как и на Тайване при Чан Кайши. Не

ние с советским премьер-министром Павловым и его советниками, которые, с моей точки зрения, и предлагают приостановку развития демократии, чтобы осуществить экономический рывок.

Мне даже пришлось поспорить с представителем «Дойче банк», который заявил, что они вкладывают свои капиталы только в те страны, где уверены в необратимости демократических перемен. Я заметила, что германская сторона уже вложила немалые кредиты в советскую экономику до начала всяких реформ и возникновения гарантий необратимости демократических процессов. Именно наши две страны — Германия и Россия — несут особую ответственность за судьбу Европы. Здесь не только родились высокие ценности духовной культуры, но и возникли две формы тоталитаризма: национал-социализм и большевизм. И нам еще предстоит нести груз этого тяжелого наследия перед остальной Европой и всем миром.

Учтя все возможности, которые может предоставить Запад, я прихожу к твердому убеждению, что рассчитывать нам следует на собственные силы, на ускорение и углубление демократических реформ.

Записал Игорь НЕКРАСОВ.

ГЛАСНОСТЬ. ЮГОСЛАВСКИЙ ОПЫТ

ИНТЕРВЬЮ «МН»

За одним «круглым столом» собрались журналисты «Независимой газеты» и «Советской России», «Молодой гвардии» и «Огонька», «Столицы» и «Гласности». Невозможно? У нас пока да. А в Белграде на свое первое заседание собрался «Журналистский парламент», созданный по инициативе столичной газеты «Борба». Более 350 коллег, представлявших практически все ведущие средства массовой информации Югославии, съехались на этот форум.

Находившиеся раньше по разные стороны баррикад коллеги по перу, в зависимости от того, какой печатный орган или телерадиостанцию югославской республики они представляли, собрались вместе, чтобы разобраться в сложившейся ситуации в стране и не дать больше манипулировать ими в угоду политическим амбициям того или иного руководства.

Еще недавно проведение такого форума было просто нельзя представить. Раздираемая национальными расприями Югославия поделилась по числу республик на шесть частей, каждая из которых, используя своих журналистов, отгородилась от соседней глухой информационной завесой. Судя по всему, пришло время ее приоткрыть. Стало это возможным только после событий «белградской весны», когда под напором оппозиции и студенческих демонстраций в столице Югославии и Сербии сменили руководство телевидения, ушли в отставку главные редакторы крупнейших газет и журналов. Жестким критерием отбора была позиция по отношению к событиям 9 марта, когда народ вышел на улицы, но был разогнан слезоточивым газом, водометами и танками. Была предпринята судьба тех главных редакторов, чьи издания на следующее утро назвали демонстрации «выступлениями хулиганов». Единственной газетой, поднявшей свой авторитет (а тираж вдвое), была газета «Борба». В киосках она раскупалась мгновенно. И сейчас, когда речь заходит об объективности прессы, в пример приводят именно эту белградскую газету.

Мы беседуем с ее главным редактором, одним из инициаторов «Журналистского парламента» Манойло Вукотичем.

Справка. Газета «Борба» основана в 1922 году как орган Коммунистической партии Югославии. С 1954 года — орган крупнейшей в стране общественной организации — Социалистического союза трудового народа Югославии. С прошлого года ее издателем является федеральный парламент — Скупщина СФРЮ.

— Как вы думаете, можно ли говорить о гласности по-югославски?

— Речь идет о совершенно новой фазе развития югославской журналистики. Если хотите, ее можно назвать и гласностью. Почему новая фаза? С рождением многопартийной системы журналистика Югославии стала более разнообразной и открытой. Сейчас, однако, она проходит через полосу серьезных испытаний. Феномен заключается в том, что два-три года назад журналисты были в первых рядах борьбы за демократию и установление многопартийной системы. Но ситуация коренным образом изменилась с приходом новых властей в республиках. Они «прибрали» к рукам журналистов. Во всех республиках, начиная от Словении и заканчивая Македонией, ни одна новая власть не отрекалась от того, что имели в свое время коммунисты: был сохранен контроль над средствами массовой информации. Интересно, что новые правительства в Черногории, Хорватии, Боснии и Герцеговине, Сербии, прежде чем разрабатывать программы экономического развития, энергично принимали законы об информации, в которых сохранено большинство старых положений. Таким образом, власть изменилась, а ее «технология» осталась прежней.

Справка. Коллеги из газеты «Освобождение» (Сараево) поздравляли нас с характерным примером абсурдных попыток республиканской администрации подчинить себе это популярное издание. С этой целью новый закон о печати в Боснии и Герцеговине предусматривает назначение руководства газеты «сверху», из республиканской скупщины, расстановку своих людей на редакторских местах по национальному признаку. Творческий коллектив «Освобождение» объявил протест такому насильственному, антидемократическому решению.

— Каковы корни этого явления?
— Средства массовой информации республик страстно «болеют» за своих руководителей, которые, в свою очередь, находятся в конфрон-

тации между собой. Освещая эти столкновения, мы в конце концов получили конфронтацию между газетами, журналами, радио и телевидением республик, которую мы называем «информационной войной». На мой взгляд, это самый тяжелый период в нашей журналистике. Сами журналисты стали заложниками грязной политической игры и манипуляций.

— Можно ли вообще говорить об объективности, когда речь идет о межнациональных отношениях?

— В этом и заключаются главная трудность и трагедия для большинства средств массовой информации Югославии. Сегодня они как бы закрыты в границах своих республик. Только два процента тиражей республиканских газет и журналов распространяется вне территории республик. Это похоже на информационное гетто, информационную блокаду, существование которой никому не делает чести.

И еще один интересный факт. За последнее время появилось множество новых изданий, однако их общий тираж, например, по сравнению с 1980 годом, вырос незначительно. О чем это говорит? Только о том, что, манипулируя истинной, мы оттолкнули от себя читательскую публику.

— В чем состояла основная цель проведения «Журналистского парламента»?

— Мы поняли, что нам надо встретиться и поговорить, готовы ли мы сегодня объединиться, вместе бороться за правдивую журналистику, остановить наконец «информационную войну». Очень важно, что наша инициатива получила широкую поддержку. Например, теперь полностью уверен, что если необходимо, то мы сможем объявить всеобщую забастовку журналистов. А почему нет?..

Андрей БАТУРИН,
Сергей ГРЫЗУНОВ,
собственные корреспонденты ИАН
— специально для «МН».

Белград.

Договор по СНВ почти готов. Пора ставить точку?

За последние два-три года по крайней мере шесть раз устанавливался крайний срок подготовки договора об ограничении и сокращении стратегических наступательных вооружений к очередной встрече в верхах. Однако встречи проходили, а работу над договором никак не удавалось завершить.

Похоже, что сейчас, после недавних советско-американских переговоров в Москве на уровне министров, его подготовка все же вышла на финишную прямую.

Позитивное значение этого соглашения в сфере СНВ, первого после двенадцатилетнего перерыва (то есть после подписания ОСВ-2 в Вене в 1979 году), бесспорно.

Однако в плане реального движения к «ликвидации ядерного оружия полностью и повсюду», как это записано в мандате совет-

ско-американских переговоров, договор о сокращении СНВ, конечно, весьма скромный шаг, так как оставляет в арсеналах сторон колоссальный избыток ядерной мощи.

Более того, согласованные в договоре правила зачета ядерных зарядов на тяжелых бомбардировщиках дают возможность обеим сторонам без формального нарушения его положений увеличить свои арсеналы на тысячи боезарядов. Договор программирует ликвидацию практически лишь устаревших вооружений, срок службы которых все равно истекает. После сокращений у обеих сторон возрастет удельный вес тех вооружений, которые могут быть использованы в первом ударе: большая часть боезарядов каждой из сторон будет размещена именно на таких системах и на меньшем, чем до заключения договора, количестве пусковых платформ, что ведет лишь к дестабилизации положения.

Но главное даже не в этом. Фактически в договоре отражено стремление обеих сторон обеспечить себе способность «равного ущерба» в ядерной войне, которая сегодня представляется крайне ма-

ловероятной. Иными словами, обе стороны исходят из «наихудшего» варианта развития событий.

При всем том я не хочу ставить под сомнение стабилизирующую роль договора. Я обращаю внимание на эти его аспекты, потому что как в США, так и в СССР есть влиятельные люди, которые хотели бы в принципе поставить на соглашении точку и не продолжать разоружаться.

На самом же деле основная ценность подписания договора СНВ-1 заключается в том, что он создает условия для следующего этапа ядерного разоружения, а к обсуждению этой темы обе стороны условно приступят незамедлительно после подписания договора.

Задачу этого этапа можно было бы сформулировать так: создание у обеих сторон такой структуры стратегических сил, которая не могла бы расцениваться другой стороной как способная обеспечить потенциал первого удара.

Первоочередным сокращениям при этом подлежали бы те средства, возможности которых при первом ударе значительно превосходят их возможности в ответных действиях, а также си-

стемы с высокой концентрацией боезарядов, провоцирующие другую сторону на нанесение обезоруживающего удара.

В целом же СССР и США переходили бы от заложенного в Договоре СНВ-1 контрольного взаимного сдерживания к новой, более безопасной модели стратегического взаимоотношения, обеспечивающей стабильность на значительно более низком уровне военного противостояния.

Создаваемая в соответствии с договоренностями СНВ-2 новая стратегическая ситуация требовала бы, разумеется, качественно новых мер доверия и предсказуемости. Еще до начала испытаний любых новых стратегических вооружений СССР и США должны были бы информировать друг друга об их основных характеристиках. Проводились бы посещения лабораторий и полигонов. Чрезвычайно важно, чтобы меры доверия были охвачены и системы управления, контроля, связи и разведки. У каждой из сторон должна быть полная уверенность в том, что эти системы не приспособлены для ведения затяжной ядерной войны. В этой связи мерами доверия, открыто-

сти и предсказуемости должна быть охвачена вся космическая деятельность.

Все это в совокупности создавало бы своего рода двусторонний механизм для рассматривания и снятия взаимной тревоги, возникающей в связи с развитием стратегических потенциалов СССР и США. В идеале каждая из сторон имела бы своего рода «право вето» на возможное развитие СНВ другой стороны. Стороны обязались бы не только обмениваться в начале каждого календарного года данными о планируемых изменениях количества стратегических вооружений на конец этого года, но и планами развития стратегических вооружений, как наступательных, так и оборонительных, на более длительный срок (например, на каждый предстоящий пятилетний период). Обмен такой информацией составил бы основу будущего режима открытости и предсказуемости стратегического взаимоотношения сторон, к которому в дальнейшем могли бы присоединиться и другие государства, обладающие ядерным оружием.

Сергей КОРТУНОВ,
кандидат исторических наук.

РЕПЛИКА

На прием с шашкой

Послы Советского Союза обязаны надевать на протокольные мероприятия форменную одежду установленного образца, меняя нелепый черный мундир на столь же нелепый белый в зависимости от сезона и климата страны пребывания. Идут годы, новые люди в МИДе СССР проводят новую политику, а порядок, введенный более 40 лет назад, остается неизменным.

Разумеется, повседневную форму военного образца, которую обязаны носить дипломаты по указу, подписанному еще Сталиным, в здании на Смоленской сегодня никто не носит, но вот парадные мундиры для сотрудников МИДа в ранге посла и советника-посланника остались. А примерно год назад по министерству было даже издано распоряжение начальника протокольного отдела, в котором предписывалось одеваться на «иногда соответствующим ведомственному артикулу». Многие сотрудники МИДа считают мундиры анахронизмом, но отменить инструкцию Сталина никто не решается.

Рассказывают, что в пятидесятых годах в Министерстве обороны произошел курьезный случай. Выходящий в отставку полковник потребовал выдать ему коня, седло и шашку, сославшись при этом на соответствующий приказ, принятый лет двадцать назад. Требования были законны, и их пришлось удовлетворить, а приказ после этого благополучно отменили. Неужели и в МИДе ожидают, когда кто-нибудь из послов, прибыв к месту «тужбы, закажет себе фрак, анишку, трость и котелок, как это предусматривается инструкцией? А то и потребует выдачи форменной фуражки и «ортика, которые также полагаются послу, согласно описанию форменной дипломатической одежды от 1943 года.

Сергей МЕЩЕРЯКОВ.

ВЗГЛЯД СО СТОРОНЫ

ИЗРАИЛЬ ПОСЛЕ «СКАДОВ»

После войны в Заливе арабо-израильские отношения вновь выходят на первый план у дипломатов всего мира. Вслед за госсекретарем США, совершившим за последние недели сразу три ближневосточных турне, впервые, возможно, в Израиль отправится и советский министр иностранных дел. Какие настроения ожидают высокопоставленных посредников в этой стране и на оккупированной арабской территории? Об этом рассказывает известный французский писатель Марек АЛЬТЕР в своем репортаже. «МН» публикуют его материал с сокращениями.

АПРЕЛЬ 1991 года. Месяц спустя после войны в Персидском заливе. Сегодня премьер-министр Ицхак Шамир плохо понимает ажиотаж вокруг Израйля: «Почему все вмешиваются в наши дела? Почему Франция стремится стать вершителем судеб в нашем регионе?»

Действительно, почему? По своей территории (27 500 кв. км) Израиль — одно из самых небольших государств мира. Его конфликт с арабскими государствами и с палестинским народом, конечно, драматичен, но в ходе его пролилось гораздо меньше крови, чем в результате конфликтов, раздражающих Тибет, Тимор, Ливан и Курдистан. Отсутствие нефти и других природных ресурсов лишает этот конфликт экономической окраски, а наличие монотеистических религий в Иерусалиме ничего не оправдывает. Иерусалим только третий священный город ислама и второй священный город христианства, а времена крестовых походов и даже священных войн «джихад» уже прошли.

Остаются евреи. Вызывают ли они, объединившись в государство, как считал экс-премьер-министр Менахем Бегин, то же нездоровое любопытство, ту же атавистическую враждебность, что и в те времена, когда были меньшинством, разбросанным среди других наций?

Ицхак Шамир считает, что пора прекратить давать Израйлю советы. «Те, кому небезразличен мир в нашем регионе, лучше бы убедили палестинцев принять кэмп-дэвидские соглашения, а они предусматривали автономию на пятилетний период, а затем переговоры об окончательном статусе. Прошло уже 12 лет. Палестинцы уже давно могли бы получить самоопределение».

По свидетельству мэра Вифлеема Элиаса Фрейджэ, эту мысль разделяет и президент Египта Хосни Му-

барак, с которым мэр встретился в Каире. «Палестинцы, — сказал египетский президент, — как пассажир, ждущий поезда на перроне вокзала с билетом в руках. Он не садится в первый подехавший поезд, намереваясь сесть во второй. Он не садится и во второй, говоря себе, что поедет третьим. Но не садится он и в третий, а ждет четвертого... Прошел уже десяток поездов, а пассажир со своим билетом все стоит на перроне...»

Вечером того же дня я рассказал эту историю Файсалу Хуссейни. Ему 40, высокий лысеющий лоб, элегантен, по стилю — западный буржуа, одет в серый свежесглаженный костюм с бордовым галстуком. После того как госсекретарь США Джеймс Бейкер выбрал его в качестве собеседника, здесь его считают «возведенным на престол» представителем палестинцев «внутренних», и его дом никогда не пустует.

Он отвечает: — В этот раз мы не пропустим поезд.

— В этот раз, — говорил я ему, — поезда не будет. Поезд Иерусалим — Тель-Авив отменен. Остались лишь заросшие травой пути.

— Ничего, мы полетим самолетом, — отвечает Файсал Хуссейни, широко улыбаясь.

Я же тотчас подумал, что билет на самолет стоит намного дороже...

Кое-кто из молодых руководителей интифады понял это и готов заплатить такую цену. Ради Джаррай — один из них. В статье, опубликованной близким к ООП еженедельником «Аль Фаджр», он потребовал не больше не меньше как отпуска Национального совета Палестины со штаб-квартирой в Тунисе с целью демократизации ООП и обеспечения более справедливого и представительного участия жителей территории в принятии организационных политических решений. Он также вы-

Автобусом из районов оккупированных территорий израильские солдаты возвращаются домой в выходные дни.

Фото Олега ИВАНОВА.

ступил за скорейшее создание временного правительства в изгнании, в состав которого вошли бы пользующиеся доверием люди, способные выдвигать реалистические предложения израильскому руководству.

Ханна Синиора, главный редактор «Аль Фаджр», с лукавым взглядом из-за стекол в роговой оправе, гордится тем, что начала первую серьезную дискуссию на оккупированных территориях. В редакции ее газеты, занимающей целое здание в Восточном Иерусалиме, я встретился с мэром Вифлеема Элиасом Фрейджем.

Открыла ли война в Персидском заливе новые мирные перспективы для Израйля и арабских стран? Фрейджэ считает, что да. А для палестинцев? В этом он не уверен. «Шамир запутался в своих противоречиях. Он утверждает, что обо всем можно вести переговоры, но обещает никогда не покинуть оккупированные территории».

Сам же Шамир не видит в этом никакого противоречия: «Менахем Бегин предложил палестинцам автономию... Я же предлагаю им самоуправление. Другими словами, в течение пяти лет они будут обладать всеми prerogative государства за исключением армии и внешней политики. Через пять лет, когда мы научимся жить в мире друг рядом с другом, мы начнем переговоры об окончательной договоренности».

«О какой окончательной договоренности можно вести переговоры, если вы заранее отказываетесь даже частично освободить оккупированные территории?»

Ицхак Шамир улыбается: «Верно. Я это говорил... потому что я честный человек. Но в этом нет никакого противоречия. Я просто сказал, что я, с моей историей и с моими пред-

ставлениями о своей стране, никогда не уйду с территорий. Я не хотел бы войти в национальную память как человек, распродавший часть Израйля. И поскольку Израиль — демократическая страна, а я был избран большинством ее населения, эта позиция является сегодня позицией моего правительства. Но я реалист — я знаю, что я уже стар. Мне 76 лет, и через пять лет я наверняка буду не у дел. Следует думать, что тот, кто придет мне на смену, сможет пойти на территориальные уступки в обмен на мир. И когда я говорю, что после пяти лет самоуправления палестинцы и израильяне смогут вести переговоры обо всех решениях, без каких бы то ни было исключений, я говорю правду».

Заканчивается ли решение о скорейшей смене правящих классов палестинцев и израильянов?

Такого мнения придерживаются многие израильяне, а также многие палестинцы, живущие на оккупированных территориях. «Только молодые руководители, у которых хватит смелости «убить отца своего», найдут достаточно смелости для того, чтобы пойти на неизбежные компромиссы, ведущие к миру», — говорит Мотта Гур, бывший начальник штаба израильской армии и один из основных руководителей лейбористской партии.

Однако его партия, кажется, еще не созрела для отсуживства.

«Наберитесь терпения, — сказал мне один из лучших исследователей израильского общества писатель Амос Элон. — Мы в конце пути через пустыню. В Библии говорится о сорока годах. Сегодня благодаря средствам массовой информации можно продлить политическую жизнь поколения, но перемены неминуемы...»

Война не закончена.

Японское турне президента: что приобрели, а что потеряли

На первый взгляд поездка президента Горбачева в Японию имела все необходимые аксессуары успеха. Приняты 15 соглашений, каждое из которых будет приносить свою пользу. Получены деньги, пусть совсем небольшие. И все это ценой того, что мы всего лишь признали в заключительном документе существование между нашими странами территориальной проблемы. Ничто в совместном заявлении нельзя принять за обещание передать когда-нибудь Японии четыре острова Курильской гряды или хотя бы два из них, что мы собирались сделать еще в 1956 году. Таким образом, М. Горбачев сдержал свое слово, когда в Хабаровске на глас народа, прозвучавший из толпы: «Не отдавайте им острова, Михаил Сергеевич!» — президент ответил: «Будет так, как вы захотите».

Понятно, что японцы хотели иного. Они связывали с визитом именно ожидание прорыва в связи с судьбой Кунашира, Итурупа, Шикотана и Хабомаи или хотя бы двух последних, возвращение которых было когда-то обещано Никитой Хрущевым.

За день до завершения визита я взял ряд очень коротких интервью у японских дипломатов, обществен-

ных деятелей и коллег-журналистов. Они все еще надеялись, что по крайней мере будет сделано твердое заявление, что возможность возвращения островов будет рассматриваться в контексте подготовки мирного договора. Насколько велика была надежда, можно судить, например, по поведению сотрудника японского МИДа (по обыкновению не захотевшего, чтобы его имя появилось в газетах). Когда я спросил его, смогло бы «русскоязычное» население островов остаться жить на них, если бы эти территории перешли к Японии, он ответил категорически «нет». Япония, сказал он, создаст нынешним жителям островов условия на материке или на Сахалине, которые никому из нас и не снились, но не может быть и речи, чтобы вместо территориальной была создана межнциональная проблема. Через несколько часов выяснилось, что об этом слишком рано было говорить. А о степени разочарования можно судить по беспрецедентному (во всяком случае для преувеличенно вежливых японцев) факту: мэр Нагасаки, пригласивший М. Горбачева в город, отказался встретиться с президентом, сославшись на большую занятость.

Программа визита постоянно ло-

малась и по другим причинам. Шесть раутов переговоров с премьер-министром Тосики Кайфу приняли необычно напряженный характер. Те из нас, кто обычно пеняет президенту, что он уезжает за границу от тягот жизни собственной страны, на этот раз могли бы и извиниться. Наверное, даже программа «Время», гримирующая теперь все и вся по своему вкусу, не смогла (если бы и захотела) скрыть у президента следы страшной усталости. Не лучше был и премьер Т. Кайфу. При церемонии прощания в Токио лучше всех выглядел император Японии и глава личной охраны советского лидера.

Есть счастливые страны, где государственные визиты могут проходить абсолютно незаметно для их граждан. Там можно вообще не узнать о посещениях высокого гостя, если нет привычки читать газеты и смотреть телевизионные новости. Япония не относится к их числу. Японцы сполна получили свою долю неудобств. Было похоже на Москву. Тысячи полицейских разгребали потоки машин и, естественно, устраивали чудовищные пробки. Движение останавливалось на пути следования черного «ЗИЛа». Улицы в центре украсились флагами: белыми с символическим восходящим солнцем и

красными с не всегда правильно расположенными серпом и молотом: возможно, в этой стране высокой технологии просто не знают, что означают эти простые инструменты.

Впрочем, ошибки были с обеих сторон: «Правда» перепутала написание имени императора, и в сообщениях телеграфных агентств это дошло до Токио. Но здесь по-настоящему уважают своего монарха, и подобные пустяки никого не заставили задуматься об умалении его чести и достоинства.

С визитом были связаны и некоторые, до сих пор небывалые сюжеты. Каким-то таинственным образом в газеты заранее попали проекты речи М. Горбачева в парламенте и его выступление перед предпринимателями. И выдержки были опубликованы несколькими изданиями еще до произнесения этих слов президентом. Успех гласности?

Для того чтобы оценить по достоинству, давайте подумаем о нелепости. Впрочем, не таком уж и нелепости об этом думать. Представим себе на минуту, что, столкнувшись с нашим нежеланием вернуть острова и твердостью президента Горбачева, японцы решатся и скажут: быть по сему, давайте этими землями, и давайте подпишем мирный договор, в котором за-

явим об этом навеки. Было ли бы это исполнением наших желаний? Или мы хотим не просто жить в мире со страной, которая во многом будет определять лицо XXI века, а надеемся на что-то большее? Давайте подумаем еще раз. Острова эти, бесспорно, принадлежали до войны Японии. Их никак не назовешь (даже названия не позволяют) исконно русскими землями. Они получены как территориальные приобретения в результате военных действий. В свое время мы передали Китаю Порт-Артур. Россия подарила Украине Крым (к сожалению, это лишь только теперь вызывает возражения, тогда как эти возражения должны были возникнуть на 30 лет раньше).

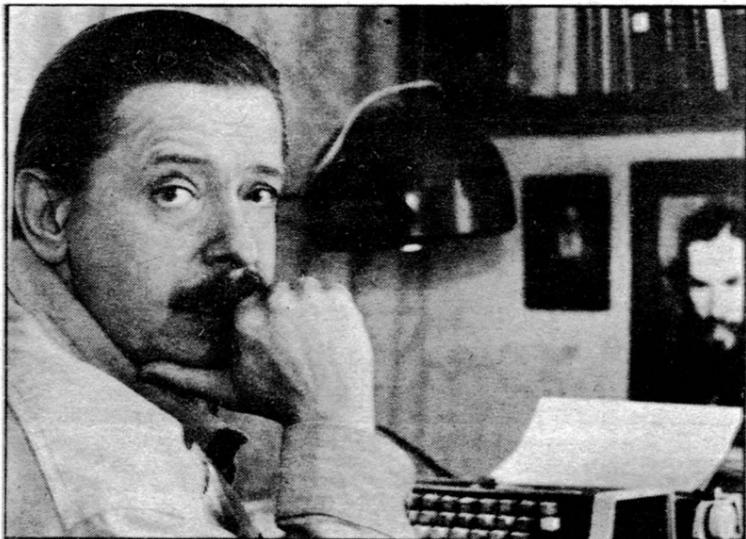
Будет ли для нас большой потерей передача Японии четырех маленьких островов, ставших постоянной раной для японского национального сознания и местонахождение которых известно многим советским школьникам?

Япония не в состоянии дать нам всего того, о чем мы мечтаем. Но она может дать нам немало — перспективу.

Так, может, обдумаем все еще раз на холодную голову, прежде чем кричать: «Не отдавайте, Михаил Сергеевич!».

Сергей ВОЛОВЕЦ, спецкор «МН».

Токио.

РУССКИЙ ЧЕЛОВЕК В ГЛУБОКОЙ ОППОЗИЦИИ

Встреча с Вячеславом Пьецухом

«Испокон века наша литература только тем и занималась, что воспитывала недовольного гражданина», — обмолвился в одном из своих сочинений Вячеслав Пьецух. Может быть, не стоит принимать его замечание за чистую монету, ибо Пьецух — писатель насмешливый и запросто разыграет доверчивого читателя. Но с большой долей уверенности можно утверждать, что произведения самого Пьецуха вряд ли нацелены на возбуждение гражданского недовольства. Герои его рассказов, повестей, романов «Предсказание будущего» и «Новая московская философия» — люди, как правило, мирные, без амбиций, которые как-то ухитряются пребывать в гармонии с окружающей их не совсем красивой действительностью. Даже персонажи его сатирической хроники «История города Глупова. Новые и новейшие времена» (откуда и почерпнута сентенция насчет литераторы) не слишком ропщут, постоянно испытывая «один дефицит на все за исключением дураков».

Работает Вячеслав Пьецух, по его словам, равномерно, как электростанция, каждый день (за исключением понедельника) пишет по полторы страницы. В этом году «Дружба народов» печатает его большую рассказ «Гаданье на кофейной гуще», а «Новый мир» — несколько мелких. «Я уже настолько обнаглел, — добавляет Пьецух, — что не представляю себе года без «Нового мира».

О своем жизненном пути в предисловии к последнему сборнику «Я и прочее» автор не сообщает ничего омрачающего душу: не был бездомным, не голодал, не холодал, его не преследовали органы, не обижала цензура, словом, баловень судьбы, «в той, конечно, мере, — уточняет писатель, — в какой это возможно у нас в России».

— Но у нас в России принято, что литератор должен страдать, прежде чем он предъявит обществу плоды своих наблюдений.

— Наверное, должен, — отвечает Вячеслав Пьецух, — но у меня это как-то не получалось. Я считаю, что жизнь — это такая константа, которая зависит исключительно от меня. При любом режиме никто не в состоянии мне помешать. Я был свободен при Брежнев, при Андропове, когда цензура особенно свирепствовала. Я писал все, что хотел, а они были свободны меня не печатать. Правда, какие-то невинные вещи у меня выходили.

— Стало быть, вы живете по тем же принципам, что и ваши герои, довольствуетесь внутренним миром и приспосабливаетесь к любому окружению? Конформизм как способ существования?

— Называйте так, но в сущности это глубокая оппозиция. Мне кажется, это вообще национальное наше не качество даже, а благоволение Господне — умение уходить в глубокую оппозицию, не

занимать смешную политизированную позу и при этом жить содержательно, пристойно, полезно, безвредно.

— Однако же вы задаетесь вопросом, почему городом Глуповым всегда командовали дураки и невежи и почему глуповцы с этим мирятся, а то и вели себя так, что никто иной ими и не мог руководить?

— Дело-то не в том, что не надо бороться с дураками и негодями, а в том, как показывает история, что всякая политическая конфронтация, всякий революционный процесс кончатся тем же, с чего начинались: одна форма тирании сменяется на другую, только иного качества. Если сановное самодержавие было плохо, то самодержавие сапожника оказалось гораздо хуже.

— Но коль скоро тирания не изжита, что вы предлагаете: мириться с нею?

— Во-первых, самое дурное мы уже прожили — восточную деспотию. Истинная революция в моем представлении — это эволюция, когда каждый человек отвечает за себя сам. Если на следующей неделе мы все станем порядочными людьми, это будет революция. Но поскольку надежды на это мало, остается уповать на эволюцию. Моя позиция, наверное, мало интересна и не характерна, сейчас все как-то за страну переживают. И по-прежнему никто не хочет работать. Но я знаю, что удобнее всего отстаивать свои права — на рабочем месте, для меня, и в частности, — с пером в руках. Когда Пиночет пришел к власти в Чили, Маркес объявил забастовку, отказался писать — и наместил весь культурный мир.

— Может быть, у вас гражданское чувство...

— Атрофировано? Не думаю, нет. В юности мы все чуть ли не до летального исхода были отравлены идеалами.

— Это вы о «лучезарном завтра»?

— Да, и чтобы оно наступило в ближайший понедельник. Я о многом подумал до 1985 года, у меня сердце изболелось за Россию. Хотя тот год очень круто меня перевернул. Я ведь учитель по образованию, а уж это такая самоцензура... При детях лишнее слово — политический разврат.

Но я до сих пор ловлю себя на том, что продолжаю оставаться коммунистом.

— Вы член КПСС?

— Никогда не был. Эта партия может называться как угодно, только не коммунистической. Но всякий здравомыслящий человек должен согласиться, что развитие общества неминуемо приведет к такой его организации, когда личностная жизнь будет устроена максимально благобно. Что меня укрепляет в этом убеждении, так это ростки коммунизма в оголенном капиталистических странах. Не социализма, социализм там уже построен.

— Но что вы называете коммунизмом?

— Коммунизм — это кто не работает, тот ест.

— За счет тех, кто работает?

— Да, за счет сильных. Сильные содержат слабых.

— Если у вас сердце изболелось за Россию, как бы вы объяснили, что в стране, где до 1917 года не прерывалась связь времен, создавалась великая гуманная литература, колокола звонили во всех церквях, вдруг все рухнуло в одночасье?

— Это предмет для целого философского исследования, а вы хотите, чтобы я ответил немедленно и толково. Я не могу этого объяснить. И рухнула-то все не горстка большевиков, их было мало, а тот самый народ, который до 1917 года папа с мамой водили к обедне. Понять это я решительно не в состоянии.

— Не потому ли, описывая новейшую нашу историю, вы прибегаете к спасительной прозии?

— Если человеку причинить нестерпимую боль, допустим обмакнуть палец в азотную кислоту, он может не кричать, а криво улыбаться, смеяться, у него не хватит энергии среагировать адекватно. Юмор — такая же реакция на столкновение с жестокими реалиями бытия.

— Тем не менее один из героев вашей «Новой московской философии», мучительно улыбаясь, формулирует для будущего России положительный итог, считая, что нашему обществу выпала миссия дальнейшего нравственного строительства. Это и есть новая философия?

— Ну никакая это не новая и никакая не философия. Я решительный традиционалист, стою и стою на том, что исповедовали отцы русской художественной мысли. Хотя я ничего не знаю глупее точечевских строк: «Умом Россию не понять», мое отношение к ней все же выражается глаголом «верить». Я долго, очень настойчиво и прилежно думал на эту тему и вывел уравнение, что Россия — страна очень крупной культурной

силы. Уж больно мы культурная нация. Даже не по заслугам.

— Очень много писателей?

— Даже слишком. Сейчас любят говорить о том, что литература кончается, но я читал, что в конце прошлого века утверждали то же самое: настал литературный апокалипсис. Может быть, нам просто этого хочется: как это — сахар по талонам, а книги свободно? В современной литературе прекрасные есть имена, а вот графоманы действительно писать перестали. В журналах практически нет почты. Любители сочинять наконец нашли себе дело: они спокойно прорываются в политику.

На Западе к нашей культуре относятся с большим почтением, и это избалует нас от комплексов, которые мы уже успели нажить — чуть ли не внутреннее психическое состояние туарега. Европейский культурный центр, который возглавляет президент Гавел, доверил России выпускать свой художественный журнал «Золотой век», должен выйти первый номер. Фантастический номер!

Еще одно обстоятельство в пользу России. Вроде бы чепуха, но у нас необыкновенно высок процент красавиц. Для кого-то это демографический фактор, для кого-то эстетический, а для меня намек: если в стране каждая четвертая женщина — красавица, из этого обязательно должно что-то вытекать.

— Писатели и красавицы еще как бы не весь народ.

— Главная черта этого народа состоит в том, что у него есть все. Русская национальный характер включает в себя все мыслимые и немыслимые человеческие свойства. Никто не сказал гениальнее о русском народе, чем Пастернак устами Ивана Карамзина: «Широк, слишком широк человек, я бы сузил».

— Но мы установили, что этот широкий человек большей частью пребывает в глубокой оппозиции ко всему. Как вы думаете, сумеет ли он из нее выйти, если обещания нам хозяйственная свобода станет реальностью?

— Без рыночной экономики и полного набора тех данностей, что обусловлены слабостями человека, нам не выжить. Ну, не способен человек работать из-под палки, никакое соцсоревнование не поможет, спасет только жесточайшая конкуренция.

Страшно любопытно посмотреть, сумеет ли русский мужик переоборудовать свой духовный организм, приспособиться к новым условиям? Я думаю, сможет. Мог же раньше. До революции у нас и полиграфия была отличная, и по машиностроению вышли на второе место в мире.

— Так что же случилось в 1917 году? — Я целый роман написал об этом — «Заколдованная страна». Поставил целью переложить человеческим языком историю от Гостомысла до Печкина, чтобы ответить на очень простой вопрос: почему мы такие нищие. Надеялся на открытие, а пришел к самым банальным выводам.

— И кто нас заколдовал?

— Поверите ли? История с географией. Беседа
Ольга МАРТЫНЕНКО.
Фото Олега ИВАНОВА.

Война и мир Сергея Прокофьева

В 1946 году в Ленинграде молодой режиссер Борис Покровский приступил к постановке новой оперы Сергея Прокофьева «Война и мир». Успех, выпавший на долю спектакля, был не меньшим, чем у «Евгения Онегина» или «Пиковой дамы». С тех пор Покровский поставил все оперы Прокофьева, к сожалению, не всегда в нашей стране. По случаю столетней годовщины великого композитора Борис Покровский вспоминает:

— Когда Прокофьев впервые играл мне «Войну и мир», я не сразу понял и принял эту оперу. Но рядом сидел замечательный дирижер Самуил Самосуд, и у него слезы стояли в глазах. Видимо, я был еще недостойн этой музыки, надо было расти до нее, и я рос, как мог.

По действительно мне не хватало нескольких сцен, и я попросил композитора их добавить. Прокофьев отнесся ко мне скептически, посмеиваясь над моей настойчивостью, тем не менее все, что я предлагал, он выполнял. Но на каком уровне выполнял! Мои мысли воплотил гений.

Прокофьев был человеком несентиментальным, прямым, порой резким. Вместе с тем — исключительно внимательным к людям, ис-

полнявшим его произведения. На репетициях он никогда не вмешивался в режиссуру, ничего не менял и не требовал и, как подобает большому художнику, вел себя корректно, мудро и благородно.

Признание пришло к нему рано. Еще при жизни он считался классиком — и в своей стране, и во всем мире. Один из величайших музыкантов XX века, создавший свой мир, свой стиль, свой способ существования в звуках, композитор знал цену себе и своему искусству. Но гений потому и есть гений, что он опережает свое время и не всегда встречает понимание — не только у публики, но и у исполнителей. Людское невежество стояло на пути и Моцарта, и Вагнера, и Верди, и Чайковского, и Мусоргского. Оно рождало басни, что это плохая музыка, ее трудно петь и т. п. Конфуз, который случился в нашей стране с Прокофьевым, Шостаковичем, Мясковским, Шебалиным, чье творчество было официально объявлено чуждым народу, объясняется не только невежеством, но и в большой степени влиянием на неграмотных идеологов тех среднего ранга певцов, что делали свою карьеру на произведениях прошлого.

Но Прокофьев обладал, на мой взгляд, примечательной чертой, ко-

торая помогла ему сохраниться как великому композитору и не опуститься до музыки, угодной управдома. Он умел выстроить непроницаемую стену между собой и всем тем, что почитал за мерзость. Я не склонен верить, что Сергей Сергеевич уж очень переживал по поводу партийных постановлений и других гадостей, что выливались на его голову. Он знал, что это дело рук тех, кто не давал себе труда разобраться в его искусстве. Да у них и потребности такой не было. Великолепный игрок в шахматы, Прокофьев и в жизни умел так расставлять фигуры, чтобы уберечь себя как художника и личность. К тому же его спало огромное чувство юмора.

Я неоднократно наблюдал, как Прокофьев вел себя во время «проработок». Он смотрел в окно, разглядывал потолок или свои теплые красивые бурки, в которых любил ходить на даче по снегу. Жрец искусства, он и в эти часы сочинял музыку. Он был неприсутствен и потому прекрасен. Я вообще считаю, что художник в состоянии оградить себя от мерзостей жизни. Разве может от людской пошлости страдать гений, которого посещают божественные идеи?

Сейчас уже не надо, как в 50-е годы, «пробивать» оперы Прокофье-

ва, не надо доказывать, что это гордость нашей музыкальной культуры. Вряд ли кто из вокалистов осмелится заявить, что он не спривится с Прокофьевым, — уже как-то стыдно. Но, увы, его оперы идут по-прежнему редко. Большой театр их не ставит, а на главный театр страны равняются все другие. Вот и получается, что публика не понимает Прокофьева, потому что она его просто не слышит. А не слышит она его потому, что театры боятся, что публика на Прокофьева не пойдет. И это происходит не только с Прокофьевым, но и с Шостаковичем, и со Стравинским. Наши певцы отстали от развития музыкальной культуры минимум на сто лет. Поэтому у нас так любят произведения XIX века. А на дворе кончается двадцатый!

Ведь Прокофьев не так просто родился, чтобы неизвестно откуда извлечь свои особые музыкальные интонации. Он создан временем, XX веком, его культурой, его интеллигентней. Эта интеллигентная достойна любви, уважения и веры, но, к сожалению, сейчас она часто забывает о прежних идеалах и заражена политиканством.

Само искусство нередко становится объектом спекуляций. Если Прокофьев — значит, сверхмодер-

нистские визуальные образы, нарочитое обострение (и в результате — оглушение) сюжета, что присуще и многим зарубежным постановкам. Прокофьев предпочитал режиссуру четкую, выявляющую суть произведения, из нее не должны торчать ослиные уши постановщика. Унизительно для памяти великого композитора, когда, пользуясь его именем, торговцы от искусства рассчитывают проскочить в передовые художники.

Это свидетельствует о страшно низкой культуре, ведь сегодня даже образованные люди не стесняются говорить, что уровень нравственности зависит от наличия товаров в магазинах. Это полное непонимание природы человеческого духа, смысла жизни. Культура не следствие, с нее нужно начинать. Если нет культуры, не будет и хлеба.

Надеюсь только, что пройдет эта суматоха политиканства и искусство снова поднимет на пьедестал музыкальные и сценические образы нашего гениального соотечественника, самого исполняемого композитора в мире.

Записала Елена ВЕСЕЛАЯ.

Тринадцать лет назад в Лондоне был убит болгарский эмигрант Георгий Марков. Способ убийства — отравление ядом. В Болгарии началось расследование обстоятельств его гибели. Проверяться будет также версия о возможной причастности к убийству советских спецслужб. Эту версию подтвердил и Олег Калугин, заявивший, что Марков был убит ядом, разработанным в секретной лаборатории КГБ, и что он готов доказать свои слова в любом суде. Центр общественных связей КГБ СССР официально заявил о своей непричастности к этой истории. Расследование, однако, продолжается, и отмахнуться от этого нельзя. Вот почему мы несли более подробно сказать, что же такое «дело Маркова».

Георгий Марков — болгарский писатель-эмигрант. Убит в Лондоне в сентябре 1978 г. Капсула с ядом была выстрелена из зонта. После этого убийства выражение «болгарский зонтик» стало нарицательным. Долгие годы убийство считалось чисто болгарским.

Кристофер Эдрю, Олег Гордиевский в книге «КГБ: взгляд изнутри»:

«Демократические перемены в Восточной Европе вызвали беспокойство в КГБ, который по опыту 1968 г. в Чехословакии знал, что возможна утечка секретов из папок бывших союзников. Одной из таких папок, имеющей непосредственное отношение лично к Владимиру Крючкову, является «дело» болгарского диссидента Георгия Маркова, убитого в октябре 1978 года. За несколько месяцев до убийства болгарский генеральный секретарь Тодор Живков обратился в КГБ за помощью. Его целью было заставить замолчать эмигрантов, в том числе и своего бывшего протеже Георгия Маркова, активно выступавшего в западных средствах массовой информации. Центр предоставил Крючкову и болгарской службе безопасности (Дыржавна сигурност) возможность воспользоваться разработками суперсекретной лаборатории КГБ (преемницы аналогичной лаборатории сталинских времен), существовавшей в рамках Оперативно-технического управления (ОТУ) и находившейся под непосредственным контролем председателя комитета.

С личного одобрения Крючкова (тогда возглавлявшего разведку. — Н. Г.) контакт с болгарской службой безопасности должен был осуществлять генерал Сергей Голубев из управления «К» Первого главного управления. Голубев три или четыре раза посетил Болгарию в 1978 г., чтобы помочь в разработке планов использования ядов из лаборатории КГБ против болгарских эмигрантов.

Первой мишенью был болгарский эмигрант, живший в Англии. Во время его отпуска на континенте сотрудники болгарской госбезопасности обрабатывали поверхность в комнате, где он жил, специальным ядом, который при проникновении через кожу вызывает смерть, не оставляя никаких следов. Но объект покушения выжил, хоть и после тяжелой болезни. С согласия Крючкова Голубев вернулся в Софию для разработки нового плана. По заказу Голубева советская резидентура в Вашингтоне выслала в центр несколько зонтов. Управление ОТУ снабдило наконечники зонтов крошечными металлическими капсулами, с которыми в организм жертвы проникал высокотоксичный яд ридин. Голубев отвез зонтики в Софию и проинструктировал болгарских коллег, как их использовать. Первой жертвой стал Георгий Марков, тогда работавший в болгарском отделе на Би-би-си. Перед

ЧИСТО болгарское убийство

«Взаимодействие между Комитетом госбезопасности СССР и Министерством внутренних дел Болгарии... строилось на принципах равноправия, уважения государственного суверенитета и невмешательства во внутренние дела друг друга».

(Заявление Центра общественных связей КГБ СССР. «Правда», 8 апреля 1991 г.)

«Как передал по каналам ТАСС Центр общественных связей КГБ СССР, «какого-либо обращения болгарских спецслужб в КГБ СССР по указанному «делу» (Маркова. — Н. Г.) не было».

(«Комсомольская правда», 4 апреля 1991 г.)

Георгий Марков — болгарский диссидент, убитый в Лондоне. Капсула с ядом, ставшая причиной смерти. Переснято из книги «КГБ: взгляд изнутри».

Бывший министр внутренних дел Болгарии Димитр Стоянов (слева) вручает Олегу Калугину орден Красного Знамени, Москва, 1975 г. В 1978 г. за «дело Маркова» Стоянов награждает Калугина именованным браунингом.

смертью Марков успел рассказать врачу в больнице о том, что какой-то неизвестный толкнул его на Вестминстерском мосту и извинился, что ненароком задел зонтиком. Крохотный след от укола и остатки капсулы размером не более булавочной головки были обнаружены в правом бедре Маркова, но ко времени аутопсии яд растворился.

Неделей позже было второе покушение — на болгарского эмигранта Владимира Костова. На сей раз неудачное. Капсулу удалось вовремя извлечь из тела.

После ареста Живкова в 1989 году в Софии побывала вдова Маркова. Она пыталась найти виновных в смерти мужа. Даже если сотрудники болгарской госбезопасности уничтожили досье по делу Маркова или переслали его в Москву, безусловно, остались сотрудники, знающие правду об этом убийстве. Вполне возможно, что в процессе демократизации в Болгарии она станет достоянием гласности.

По мнению осведомленных источников, Гордиевский не был посвящен в историю убийства Маркова. О деталях происшедшего знал бывший заместитель Голубева Виталий Юрченко, при странных обстоятельствах исчезнувший на Западе, а затем вернувшийся в СССР.

В болгарской печати прошло сооб-

щение о том, что трое болгарских генералов уничтожили в феврале прошлого года досье Георгия Маркова. 4 апреля агентство Рейтер передало из Софии, что президент Желев обратился за международной поддержкой и помощью в расследовании обстоятельств гибели Георгия Маркова.

Бывший генерал КГБ Олег Калугин дал интервью болгарскому телевидению, в котором заявил, что готов сообщить все известные ему факты по «делу Маркова» как в суде — болгарском и советском, так и Верховному Совету СССР.

Олег Калугин в интервью «МН»: По линии КГБ координировали операцию мои подчиненные из управления «К» Первого главка Сергей Голубев и Юрий Суворов. Сотрудники КГБ выполняли роль инструкторов, но не исполнителей. С болгарской стороны операцией командовал бывший шеф разведки Васил Коцев (болгарская госбезопасность входила составной частью в Министерство внутренних дел. — Н. Г.)

Я был в числе четверых, присутствовавших в кабинете Андропова, когда решался этот вопрос в марте, если не ошибаюсь, 1978 года. Говорили двое — Крючков и Андропов. Крючков доложил, что Тодор Живков обратился через своего министра внутренних дел Стоянова за содействием к Андропову. Живков

был крайне недоволен откровенными выступлениями эмигранта Георгия Маркова в западных средствах массовой информации, компрометировавших, по его мнению, партию и политику Болгарии. В действительности дело было в том, что в свое время Марков был вхож в близкое окружение Живкова. Прохаживаясь по кабинету, Андропов сказал, что он против политических убийств и что нам не стоит связываться во внутренние интриги. Крючков возразил, что у Живкова в случае отказа может сложиться превратное впечатление, что мы не доверяем Стоянову, или еще хуже — что мы охладели к болгарам. В конце концов Андропов согласился: «Окажите помощь, но никакого личного участия наших сотрудников». Крючков сказал мне: «Готовьте ребят. Пусть собираются в Болгарию».

Конечно, возможен был иной выход из этой ситуации. Можно было ответить болгарам, что мы уже давно не занимаемся такими вещами. Ведь речь шла о чисто политическом убийстве. Марков не был изменником родины, в отношении его не было ни суда, ни приговора. Обычный эмигрант. В отличие от Владимира Костова, который считался изменником родины. Кстати, в отношении изменивших родине

комитетчиков, приговоренных заочно к смертной казни в СССР, Андропов проявлял меньшую щепетильность и готов был ими жертвовать.

Итак, болгарам должны были послужить научно-технические достижения секретной лаборатории № 12, (Центрального научно-исследовательского института специальных технологий в рамках КГБ), которую курировал тогда Чебриков. Были разработаны несколько вариантов убийства. Один — намазать специальной мазью, содержащей яд, ручку машины Маркова. Через день-два после прикосновения наступает инфаркт, и определить, чем он вызван, невозможно. Этот вариант был вполне реален, поскольку точно знали, где Марков паркует машину. Но в конце концов советские коллеги отговорили от этого болгар, так как велика была вероятность не той жертвы.

Марков должен был отдыхать на Средиземном море где-то в июне 1978 года. В качестве одного из вариантов убийства болгары предполагали мазнуть его той же мазью на пляже. Не получилось. Затем Марков отправился в Германию, где пытались отравить его ядом, растворенным в жидкости. И это сорвалось, причем болгары не знали точно, почему: то ли обманул исполнитель, то ли не подействовал яд.

Тогда был разработан специальный механизм в стержне зонта, куда помещалась капсула с ядом. Она выстреливалась на расстоянии максимум двух метров, прорывала покров одежды и попадала в организм. В течение суток полностью растворялась, и через сутки-двое наступала смерть. Опробовали этот способ убийства на одном болгарском смертнике. Он заметно вздрогнул в момент попадания капсулы в тело, хотя предполагаемые болевые ощущения при этом не сильнее, чем от укуса комара. Как известно, этот вариант удался. Марков умер на следующий день после «укола».

Следующей жертвой должен был стать сбегавший на Запад Владимир Костов — в прошлом сотрудник болгарского радио, майор разведки. Орудием убийства вновь был зонтик, местом — парижское метро. Но у Костова, похоже, сработала профессиональная интуиция. Он вовремя обратился к врачу и выжил.

Не верю, что остались какие-то документальные свидетельства этих операций. Но могли сохраниться следы командировок Голубева (3 раза) и Суорова в Болгарию.

Когда я давал свои первые интервью, то предупреждал, что начну говорить и на эту тему. Деятельность секретной лаборатории должна стать предметом серьезного расследования. Дело не только в антигуманном использовании науки и противоправности подобных акций. Дело в том, что пока она существует, кое-кто может безнаказанно играть жизнью людей.

В «деле Маркова» не поставлена точка. Болгары ведут свое расследование. Им, кстати, сложнее, поскольку посвященный во все детали бывший шеф разведки Васил Коцев недавно погиб в автомобильной катастрофе. Но жив Димитр Стоянов, можно попытаться выяснить и найти исполнителей.

А как быть нам? Звучат конкретные фамилии здравствующих людей. Оснований не доверять рассказанному Калугиным не больше, чем заявлению Центра общественных связей КГБ СССР. Упрек в возможной заинтересованности в одинаковой степени можно было бы отнести как к бывшему генералу, так и к его оппонентам в комитете. Навряд ли было бы предполагать, что секретное ведомство признается: «Да, было, грешны». Вопрос о секретной лаборатории очень серьезен, поскольку многие из нас были уверены, что всему этому был положен конец в хрущевские времена. Думаю, разобратся в тайнах по силам только парламентской комиссии. И лучше до принятия закона о КГБ. Хочется верить, что никто из уважаемых депутатов не заинтересован в том, чтобы узаконить вместе со всем ведомством и существование такого рода лаборатории. Замечательно, если ее в комитете уже нет, но это тот самый случай, когда требуются доказательства.

Наталья ГЕВОРКЯН.

Р. С. Бывший генерал КГБ Олег Калугин будет допрошен в качестве свидетеля по делу об убийстве Георгия Маркова. Об этом, по сообщению информационного агентства БТА, заявили в интервью газете «Свободный народ» главный прокурор Болгарии Мартин Гунев и его заместитель прокурор вооруженных сил полковник Лико Йодов.

КТО В ОППОЗИЦИИ?

Никогда прежде в советской истории среди политических «звезд» первой величины не было столько профессоров. То есть профессора встречались и раньше, но те свои звания по большей части получали доведомко к номенклатурной должности. У нынешних все наоборот: сначала диссертация, степень, титул, научная репутация, пост — потом. Гавриил Попов, Анатолий Собчак, Казимера Прунскене, Валентин Федоров...

Руслан Хасбулатов — в том же ряду. Он пришел в большую политику точно так же, как другие его коллеги. Сначала публицистика — книги, статьи, потом выдвижение в народные депутаты и, наконец, новое общественное поприще. Статья Хасбулатова в «Комсомолке», направленная против павловской реформы цен (шел 1988 год), сразу сделала его имя известным. Он был едва ли не первым, кому удалось сказать вслух то, о чем думали многие экономисты.

— Когда вы принесли к нам в газету очередную статью с критикой правительства, я спросила: «А вы, будь это возможно, взяли бы за проведение реформ?»

— Я что-то ответил?

— Нет, пожали плечами...

Не прошло и двух лет, как вчерашние критики сами оказались у власти. Первыми, кто заметно потеснил партийно-хозяйственную номенклатуру, оказались именно профессора. Благополучные по советским меркам люди, не гонимые, не обиженные режимом... Им-то чего не доставало?

— К этому времени стало ясно, что просветительство мало действенно в нашем обществе. Особенно если адресоваться к тем, кто имеет власть. Мы писали, прогнозировали, предостерегали, а правительство Рыжкова толкало страну к экономической катастрофе. Ни президент, ни Верховный Совет Союза не сумели противостоять этому курсу. Система пошла вразнос. Но появилась надежда на республику. О своей позиции заявили прибалты, Молдова, Армения. Все ждали Россию.

В 1989 году Руслан Хасбулатов был выдвинут народным депутатом СССР, но местные власти сделали все, чтобы дело не дошло до выборов. Российские выборы стали второй и более успешной попыткой. Его выдвинул Грозненский университет, и поддержал промышленный центр республики. На этот раз противодействие было сломлено.

Хасбулатов, как и прочие представители «профессорской волны», до последнего времени был преданным единомышленником Горбачева. Однако, первыми вкусив от свободы слова, политики-интеллектуалы первыми же востребовали право быть услышанными. Это право Горбачев им не обеспечил, а в политическом хоре по-прежнему выделял совсем иные голоса. Развитие событий развело президента и его вчерашних единомышленников все дальше. «Профессорская волна» вылилась в идейную оппозицию, потом во внутрипарламентскую и, наконец, в оппозиционную власть — местную и республиканскую. Профессор Хасбулатов при этом оказался в связке с лидером, символизирующим наиболее непримиримую оппозицию Горбачеву.

— Вы были знакомы с Ельциным до того, как стали депутатом?

— Шаночно. В 1970-м ездил изучать опыт экономической учебы в Свердловск. Там меня представили одному из заведующих отделом обкома и шепнули: «В будущем — крупный партийный деятель». С тех пор я невольно следил за Ельциным.

— А он за вами — нет?..

— Ну, не совсем так. Перед началом I съезда мы с ним случайно столкнулись в Большом Кремлевском дворце. Я сказал: «Здравствуйте, Борис Николаевич, я профессор Хасбулатов». Тут же выяснилось, что он читал и мои статьи, и книги. Поэтому мое выдвижение на пост первого зама вряд ли можно считать случайностью.

— Контролирует ли вас Ельцин?

— Я с самого начала не был склонен согласовывать с ним каждый шаг.

— А публичные выступления?

— Тем более. Перед референдумом я, к примеру, сам позвонил на Центральное телевидение и попросил дать мне те 10 минут, от которых отказался Ельцин.

— Он часто обращается к вам за советом?

— Когда мне есть что сказать, я не жду приглашения, а сам иду к нему. Так сложилось, и нас обоих это устраивает. Наиболее острые проблемы мы всегда обсуждаем сообща. Мне смешно, когда говорят о каких-то тайных советниках Ельцина. Его окружение — вот оно, все на виду: комитеты, комиссии, помощники...

— Вы были в курсе планов Ельцина потребовать в телеэфире отставки президента?

— Нет. А когда я спросил его, почему он промолчал накануне, он ответил, что не хотел меня связывать. «Это моя личная точка зрения, не более», — сказал он.

НАДИНЕ С ВЛАСТЬЮ

Из всех заместителей Ельцина именно первый, казалось, наименее пригоден для аппаратной парламентской работы. В отличие от двух других замав да и самого председателя, у Хасбулатова ни ап-

паратной выучки, ни номенклатурного стажа. Курит трубку, сам варит в кабинете кофе, носит модный костюм и итальянский галстук. Партийно-бюрократическими оборотами не владеет. Злоупотребляет «непарламентскими» выражениями: «некрасиво», «нехорошо», «стыдно». По манере говорить легко определить «допарламентскую» профессию, что дает повод оппонентам обвинять его в менторстве. Это, по их мнению, вызывает только всеобщее раздражение. Однако, будь действительно так, парламент под председательством Хасбулатова вряд ли работал бы эффективно, а его участие в согласительных комиссиях не приносило бы успеха.

На счету парламента, будничной работой которого руководит первый зам, — более двухсот нормативных актов, призванных укрепить суверенитет России. Среди них — законы о собственности, о земле, о банках... Можно спорить о качестве каждого из них, но одно несомненно: российские законодатели явно более радикальны и последовательны, чем их коллеги из Верховного Совета Союза. И это, заметьте, на фоне ожесточенного противостояния сил.

— Радикальные демократы обвиняют вас в лояльности к «правым», «правые» — в симпатиях к демократам.

— Просто есть стратегия и есть тактика. Цели, к которым стремится руководство республики и от которых ни при каких обстоятельствах не намерено отступать, известны. Единая Россия с широкими правами автономий, равноправный союз с суверенными республиками, демократические структуры власти, рыночная экономика. Но чтобы достичь этих целей в условиях расколотого противоречиями общества, нужно действовать гибко.

— То есть идти на уступки?

— Во всяком случае не рассматривать каждую из них как предательство дела демократии. Я убежден, что разумные люди, даже с разными политическими взглядами, всегда могут прийти к согласию.

За этот год российскому парламенту, всему депутатскому корпусу пришлось преодолеть не один кризис. Дебаты вокруг Декларации о суверенитете, земельной реформы и частной собственности на землю, вокруг союзного договора... Но пик парламентских разногласий пришелся на февраль — март, когда встал вопрос о созыве чрезвычайного Съезда народных депутатов России. Первой победой Хасбулатова была дата съезда: его стараниями он оказался отнесен с 4 на 28 марта, с «до референдума» на «после».

— На чрезвычайном съезде вы выглядели спокойным и уравновешенным. Вы действительно были уверены в благополучном исходе?

— Напротив, прекрасно понимал, что этот съезд может быть последним и для меня, и для Ельцина. Хорошо знал, какую закулисную подготовку ведут наши противники. И, разумеется, сам продумывал сценарий предстоящего съезда. Мне казалось необходимым вести его ровно, гасить эмоции, чтобы в азарте никто не терял головы, не упустил бы ничего существенного. И другое. На мой взгляд, для нас более предпочтительной была открытая борьба. И я намеренно делал тайное явным. Прямо говорил «коммунистам России»: «Да бросьте вы устраивать заговоры. Ну что вы все время бегаєте на Старую площадь?»

— Протестовали?

— Смеялись...

— Вы действительно считаете, что диалог возможен с любым политическим противником?

— Конечно, если только не поддаваться чувству личной неприязни. Я привык, занимаясь делом, ему не поддаваться. Беда, что другие не привыкли.

— Вы адресуете этот упрек своим оппонентам?

— И единомышленникам тоже. Они же, к примеру, готовы с ходу опровергнуть вариант конституции Слободкина. Ну как же, «правый коммунист», да еще из самых рьяных... Между тем в его варианте и тексте Румянцева больше сходства, чем различий. А посмотрите, как ведутся споры! Чуть что не так, существо дела — в сторону, и начинается: «Чем вы занимались до 1985 года?» С небольшими вариациями. И с бранью. А в парламенте Великобритании при самых жаростных столкновениях: «Уважаемый сэр, с интересом выслушал ваши аргументы, но позвольте заметить вам...» Увы, депутаты болеют теми же болезнями, что и общество, — нетерпимостью, отсутствием культурных традиций...

Победа линии Ельцина на III съезде была во многом победой «гибкой» тактики. На фоне нарастающих противоречий его решения выглядят подчеркнuto сдержанными. И даже самое неожиданное: перераспределение полномочий высших органов власти вряд ли кто-то всерьез назовет экстремистским. В который раз, теперь уже официально, российские руководители заговорили о «круглом столе», призвав к нему все политические силы.

— Вы поддерживаете требование отставки Президента СССР?

— Сегодня отставка Горбачева была бы на руку реакционерам. Но с другой стороны, меня тревожит то, что президент перестал заботиться о своем имидже на Западе. Может быть, потому, что внешний фактор не работает больше во внутренней политике? Это особенно опасно в стране, где все

ОДИН ИЗ ПРОФЕССОРСКОЙ ВОЛНЫ

Руслан Хасбулатов: «Ну что вы все бегаєте на Старую площадь...»

Избрание профессора Руслана Хасбулатова на высокий пост, к тому же по представлению Ельцина, было одной из сенсаций I Съезда народных депутатов России. Что за этим — нажим автономий и вынужденная уступка? Или, напротив, собственная «игра» председателя? Строить догадки пришлось недолго. Уже на II съезде стало ясно: первый зам Бориса Ельцина — самостоятельная политическая фигура.

еще сильна реакция. В таких условиях легко поддающийся влиянию политик может превратиться в Саддама Хусейна... Во всяком случае я надеюсь на «круглый стол» и участие в нем президента.

ОТКРЫТЫЙ ФИНАЛ

Профессор Хасбулатов и другие политики «профессорской волны» на государственном поприще успели сделать пока немного. И то, что успели, скорее потенциал будущего, чем текущий успех. Но может быть, только это и было им предопределено?

Однако сегодня «профессорский бастион» — последнее, что сдерживает крайние силы на флангах. Случайно ли, что Хасбулатов и Волгогонов в российском парламенте, Прунскене в литовском, Попов и Собчак в городских Советах все очевиднее сдвигаются к центру? Не потому, что идут вправо, — левее их появляются неуправляемые и стихийные силы. Пользуясь своим авторитетом, эти реальные (а не придуманные президентом) центристы пока еще могут сдерживать «ультра», примирять полярные силы хотя бы на время переговоров, придавать этим переговорам цивилизованные формы.

— Вы верите в мирное разрешение нынешнего политического противостояния?

— Да, если не будет упущено время. Счет идет на дни.

— Почему же и после предложений российского руководства президент медлит?

— Он по-прежнему под влиянием тех сил, которые заставили его отказаться от программы «500», пренебречь договоренностями с Россией, диктовать условия республикам.

— Но ситуация изменилась...

— Да, и дает нам, быть может, последний шанс. Президент должен понять, что «круглый стол» в его собственных интересах, это единственная возможность для Горбачева сохраниться в качестве президента. Не сработает интерес — может сработать сила. Волна массовых забастовок принудит президента к переговорам. Если переговоры к тому времени будут вообще возможны и на смену нам не придут совсем иные политики...

Кого спасают Руслан Хасбулатов и те, кто вместе с ним выступает за «круглый стол»? Президента? Бастующих шахтеров? Страну? Себя? До тех пор пока есть политики, чьи собственные интересы консолидируют, а не разъединяют общество, политический апокалипсис не предрешен.

— ...Вас ночные кошмары не мучают?

— Нет, засыпаю без сновидений и встаю без головной боли.

Людмила ТЕЛЕНЬ.

Эксклюзивные представители по сбору рекламы для «МН» в ФРГ: Грунер-Яр. Гамбург. Zentrale Telefon (040) 37-03-0 Telefax (040) 37 03-6000 Telex 219520

СССР, 103829, ГСП, Москва, ул. Тверская, 16/2
Телефоны: 229-81-86 (справочный), 209-17-49 (отдел писем), 209-05-80 (сектор рекламы).

Общий тираж газеты 2052246

Подписано в печать 23 апреля 1991 года. Заказ № 1390

© «Московские новости»
Перепечатка допускается по согласованию с редакцией, ссылка на «МН» обязательна.

ИНДЕКС 50080